

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДИН КУНЦ

КОМНАТА ШЕПОТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Дин Рэй Кунц
Комната шепотов
Серия «The Big Book. Дин Кунц»
Серия «Джейн Хок», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41041348

Дин Кунц Комната шепотов:
ISBN 978-5-389-16365-2

Аннотация

В результате теракта в небольшом провинциальном городке в штате Миннесота гибнет несколько десятков человек, включая губернатора штата. Лютер Тиллмен, местный шериф, которому показали подозрительными многие обстоятельства дела, отстранен от расследования под давлением миллиардера Дэвида Джеймса Майкла. Тиллмен на свой страх и риск продолжает вести расследование, и поиски приводят его в Кентукки, в место, населенное «скорректированными» людьми – теми, кто оказался жертвой бесчеловечного эксперимента. Там же волею обстоятельств оказывается и Джейн Хок, также охотящаяся на миллиардера-убийцу. Сумеют ли они, объединив усилия, справиться с человеком, для которого закон и жизнь человеческая ничего не значат? Или они тоже падут жертвами безжалостного преступника?..

Роман впервые издается на русском!

Содержание

Часть первая	10
1	10
2	15
3	20
4	22
5	24
6	28
7	30
8	34
9	38
10	44
11	53
12	56
13	59
14	64
15	68
16	71
17	76
18	81
19	86
20	89
21	92
22	97

23	103
24	108
25	113
26	117
27	119
28	123
29	125
30	128
31	130
32	134
33	137
34	143
35	149
36	155
37	161
Часть вторая	166
1	166
2	171
3	173
4	178
5	180
6	184
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Дин Кунц

Комната шепотов

Dean Koontz

THE WHISPERING ROOM

Copyright © 2017 by Dean Koontz

This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

the big book.

Серия «The Big Book. Дин Кунц»

© Г. А. Крылов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга посвящается Ричарду Хеллеру – скале в бурные времена, моему другу на протяжении почти тридцати лет, адвокату и мудрому советчику, который знает, что самая главная драгоценность ходит на четырех лапах

Правил нет, а если есть, то никто их не соблюдает¹.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

[В улье] пчелы не работают иначе как в темноте; мысль не работает иначе как в молчании, равно и добродетель не работает иначе как втайне².

Томас Карлейль. Sartor Resartus

¹ Перевод Н. Демуровой.

² Перевод Н. Горбова.

Часть первая

На манер Хок

1

Кора Гандерсан прошла сквозь ласковый огонь, и пламя даже не тронуло ее белого платья. Она не боялась, а, напротив, испытывала восторг, и многие из тех, кто восхищенно наблюдал за представлением, смотрели раскрыв рот; на удивленных лицах дрожали отблески пламени. Люди окликали ее, объятые не тревогой, а изумлением, с ноткой почти-тельности в голосе, и Кора чувствовала в равной мере упоение и унижение оттого, что стала неуязвимой.

Дикси, длинношерстная пятнистая такса золотистой масти, разбудила Кору, лизнув ей руку. Собака не испытывала никакого уважения к снам, даже к этому, которым ее хозяйка наслаждалась три ночи подряд и о котором рассказывала Дикси, приводя яркие подробности. Рассвело, пора завтракать и заниматься утренним туалетом – это для Дикси было важнее любого сна.

Сорокалетняя Кора была подвижной женщиной, похожей на птицу. Коротконогая собака осторожно спустилась по переносной лестнице, которая позволяла ей забираться в кро-

вать и вылезать из нее, а Кора выпрыгнула из постели навстречу дню. Она натянула доходившие до щиколотки сапожки на меху, служившие ей зимними тапочками, и в одной пижаме последовала за семенящей таксой. Кора уже собиралась войти на кухню, как вдруг ее посетило видение: за обеденным столиком сидит посторонний мужчина и сейчас произойдет что-то ужасное.

Конечно, никакого мужчины Кора не увидела. Она никогда не отличалась боязливостью и теперь отругала себя за то, что пугается без повода, абсолютно без всякого повода. Она налила свежей воды, насыпала сухого корма для своей компаньонки, меж тем как Дикси нетерпеливо мела хвостом пол.

К тому времени, когда Кора подготовила и включила кофеварку, Дикси уже закончила есть и теперь стояла у задней двери. Наконец она вежливо твякнула. Кора схватила пальто с крючка и надела его.

– Посмотрим, сумеешь ли ты опорожниться с такой же скоростью, с какой наполняешься. Там холоднее, чем в подвалах Аида, крошка, так что не тяни.

Она вышла из теплого дома на крыльцо. Из рта вырывались облачка, словно из женщины изгоняли призраков, давно владевших ее телом. Кора стояла на верхней ступеньке, наблюдая за своей драгоценной красоткой Дикси, Дикси-Бель – вдруг появится какой-нибудь злобный енот, не навешившийся за ночь.

Зима не желала сдаваться: прошлым утром выпало боль-

ше фута снега. Ветра не было, и на каждой ветке виднелся горностаевый воротник. Кора очистила полянку на заднем дворе, чтобы Дикси не нужно было вспахивать глубокий снежный покров.

Таксы отличаются острым чутьем. Не обращая внимания на призыв хозяйки не тянуть время, Дикси носилась по расчищенному месту, чуть не утыкаясь носом в землю, желая выяснить, какие звери побывали здесь ночью.

Среда. Занятия в школе.

Кора уже две недели не ходила на работу, но ей все казалось, что нужно срочно начать готовиться к урокам. Два года назад она получила звание «Учитель года Миннесоты». Она бесконечно любила своих шестиклассников и скучала по ним. Неожиданные приступы мигрени, продолжавшиеся по пять-шесть часов, иногда в сопровождении дурных запахов, которые воспринимала только она сама, сделали ее нетрудоспособной. Головная боль, казалось, не спешила реагировать на лекарства – золмитриптан и мышечный релаксант «Сома».

Дикси-Бель наконец пописала и оставила две маленькие колбасинки – Кора положит их в пластиковый пакет, когда они замерзнут и затвердеют.

Когда Кора вслед за таксой вернулась в дом, за кухонным столом сидел незнакомый человек и пил кофе, который без стеснения налил сам себе. На голове – вязаная шапочка, молния куртки на овечьем меху расстегнута. Удлиненное лицо,

резкие черты лица, с которого прямо на Кору смотрели холодные голубые глаза. Прежде чем Кора успела вскрикнуть или броситься прочь, незванный гость сказал:

– Поиграем в маньчжурского кандидата.

– Хорошо, – согласилась она; вид его больше не казался угрожающим. В общем-то, она знала его. Приятный человек. За последнюю неделю он уже пару раз заходил к ней. Очень приятный человек.

– Сними пальто и повесь его.

Она выполнила просьбу.

– Подойди сюда, Кора. Сядь.

Она выдвинула стул и села за стол.

Дикси, хотя и дружила со всеми подряд, забилась в угол и поглядывала оттуда своими разноцветными глазами, светло-голубым и карим.

– Ты видела сон прошлой ночью? – спросил приятный человек.

– Да.

– Тебе снился пожар?

– Да.

– Это был хороший сон, Кора?

Она улыбнулась и кивнула:

– Чудесная, просто чудесная прогулка по огню. И совсем не страшно.

– Сегодня тебе приснится то же самое, – сказал он.

Не убирая с лица улыбки, она дважды хлопнула в ладоши:

– Хорошо. Такой замечательный сон. Что-то похожее иногда снилось в детстве – будто я летаю, как птица. Летаю, не боясь упасть.

– Завтра будет важный день, Кора.

– Правда? А что случится?

– Узнаешь, когда проснешься. Больше я не приду. Событие важное, но тебе не понадобится никаких наставлений.

Он допил кофе, подвинул кружку к Коре, поднялся на ноги и засунул свой стул под стол.

– Auf Wiedersehen³, дура ты, сука костлявая.

– До свидания, – сказала она.

Перед глазами появилась позванивающая зигзагообразная цепочка крохотных огоньков – состояние, неизменно предшествовавшее мигрени. Она закрыла глаза, страшась надвигающейся боли. Но потом все закончилось. Головная боль не пришла.

Когда она открыла глаза, перед ней стояла пустая кружка с кофейным осадком на дне. Она встала и налила себе новую порцию.

³ До свидания (нем.).

2

Воскресным мартовским днем Джейн Хок, действуя в целях самообороны, с глубокой болью в сердце убила своего дорогого друга и наставника.

Три дня спустя, в среду, когда вечернее небо усыпали алмазы звезд – даже мощное сияние долины Сан-Габриэль, к северо-востоку от Лос-Анджелеса, не могло полностью скрыть их, – Джейн подошла к дому, который заметила прежде, проезжая на машине. Она несла объемистую сумку с содержимым, которое могло стать поводом для ареста. В кобуре наплечного ремня под спортивной курткой покоился украденный ею кольт сорок пятого калибра под патроны АСР, пистолет, переделанный по специальному заказу в одной из лучших мастерских Америки.

Для нынешних безумных времен, отмеченных беспорядками и постоянным бурлением, район был очень спокойным и тихим. Калифорнийские перечные деревья шептались между собой, пальмовые ветви шелестели на ветерке, доносившем аромат жасмина. Еще ветерок нес с собой запах разложения, так как до этого пролетел над двумя сточными канавами. Может быть, источником вони были тела трех отравленных крыс, которые убежали от солнца, чтобы умереть в темноте.

Объявление «продается» перед домом, к которому она на-

правлялась, некошенная трава на газоне, ключ риелтора на дверной ручке и окна, забранные шторами, говорили о том, что внутри, вероятно, никого нет. Сигнализация, скорее всего, не функционировала – в доме не осталось ничего, что можно было бы украсть, а сигналы тревоги осложнили бы визиты потенциальных покупателей.

На заднем дворе не было никакой мебели. В бассейне журчала черная вода, пахнущая хлоркой, – зеркало для убывающей луны. Оштукатуренная стена вокруг участка и индейский лавр защищали тыльную часть дома от взглядов соседей. Даже днем ее не увидят.

С помощью купленной на черном рынке универсальной отмычки «Локейд» (которую продавали только сотрудникам правоохранительных органов) Джейн отперла замок задней двери. Уложив отмычку в сумку, она открыла дверь и постояла, прислушиваясь, – не донесется ли какого-нибудь звука из кухни или из комнат позади нее.

Она была убеждена, что правильно оценила состояние дома, а потому закрыла за собой дверь и заперла замок. Достав из сумки светодиодный фонарик на два режима, она включила ближний свет и оглядела стильную кухню с глянцевыми белыми шкафами, столами из черного гранита и кухонным оборудованием из нержавеющей стали. Никакой утвари. Никаких дизайнерских изделий из фарфора на полках подвесных шкафов со стеклянными дверцами, ожидающих восторженных гостей.

Джейн прошла по просторным комнатам, темным, как закрытые гробы, и лишенным мебели. Хотя шторы на окнах были задернуты, она направляла тусклый луч фонарика только в пол. Затем она стала подниматься, стараясь держаться поближе к стене: в этом случае лестница скрипела меньше, но все же сообщала всем желающим о том, что кто-то поднимается.

Ее интересовала только передняя часть дома, но все же она обошла весь второй этаж, желая убедиться, что в доме никого больше нет. Особняк принадлежал представителям верхушки среднего класса и располагался в соответствующем квартале. Каждая спальня имела свою ванную, но холодильник, стоявший в пустых комнатах, словно намекал на скорый экономический и социальный упадок американских пригородов.

А может быть, это ощущение родилось не от созерцания холодных пустых комнат. Уже почти целую неделю Джейн терзали дурные предчувствия – с тех пор как она узнала, что за будущее приготовили своим согражданам некоторые люди, пользовавшиеся огромным влиянием в этом новом мире технологических чудес.

Она поставила сумку у окна в передней спальне, выключила фонарик, раздвинула шторы и стала разглядывать дом на другой стороне улицы, но не тот, что стоял напротив этого, а соседний – превосходный пример стиля «Искусств и

ремесел»⁴.

По этому адресу жил Лоренс Ханнафин, овдовевший в прошлом марте. У супругов не было детей. И хотя Ханнафину было всего сорок восемь (на двадцать один год больше, чем Джейн), скорее всего, он проводил время в одиночестве.

Джейн не знала, найдет ли в нем союзника. Скорее всего, он окажется трусом без всяких убеждений и не станет браться за нелегкое дело, которое Джейн намеревалась предложить ему. В эти времена трусость стала позицией по умолчанию.

Джейн семь лет прослужила в ФБР, в Группе оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, которая чаще всего работала вместе с Третьим и Четвертым отделами поведенческого анализа, а они имели дело, среди прочего, с массовыми и серийными убийствами. В этом своем качестве она убила всего двух человек, попав в отчаянную ситуацию на отдаленной ферме. На прошлой неделе, находясь в отпуске, Джейн убила троих в целях самозащиты. Теперь она стала неконтролируемым агентом, и на ее счету было немало убийств.

Конечно, Лоренсу Ханнафину могло не хватить мужества и принципиальности, которыми он должен был обладать, судя по его репутации. Но Джейн надеялась, что в этом случае

⁴ Движение «Искусств и ремесел» возникло в конце XIX века в Великобритании. Для стиля «Искусств и ремесел» характерны простые формы, функциональность, применение натуральных материалов, акцент на ручную работу.

он ответит отказом и не сделает попытки передать ее в руки правосудия. Для нее не будет правосудия. Ни адвоката, ни процесса с присяжными. С учетом данных, которые Джейн собрала на некоторых влиятельных людей, лучшее, на что она могла надеяться, – это пуля в голову. Однако они могли поступить с ней гораздо хуже: сломать ее, устранить все воспоминания, лишить ее свободной воли, сделать покорной рабыней.

Джейн сняла спортивную куртку и наплечные ремни, после чего заснула – беспокойным сном – на полу, положив пистолет под руку. Вместо подушки она использовала валик, взяв его с кресла, которое стояло у окна в холле второго этажа, но в доме не оказалось ничего, напоминающего одеяло.

Мир ее снов превратился в царство движущихся теней и серебристо-голубого полусвета, исходящего из ниоткуда; она убегала от зловредных манекенов, которые прежде были людьми вроде нее, а теперь превратились в неутомимых роботов, запрограммированных на охоту, с глазами, в которых не просматривалось никакого чувства.

За час до рассвета зазвенел наручный будильник. Из туалетных принадлежностей у Джейн были только зубная паста и щетка. В ванной она включила фонарик в режиме ближнего света и положила на пол, в самый угол. Глядя на свое лицо призрака со впавшими глазами, отражавшееся в темном зеркале, она смыла с себя остатки страха, не прошедшего после сна.

Подойдя к окну в спальне, она раздвинула шторы на несколько дюймов и принялась разглядывать в мощный бинокль дом Ханнафина. Ее дыхание с привкусом мяты на миг затуманило оконное стекло.

Судя по странице в «Фейсбуке», Ханнафин начинал каж-

дый свой день с часовой пробежки. Свет включился сначала в комнате на втором этаже, а несколько минут спустя – и в коридоре первого этажа. Когда небо на востоке чуть-чуть порозовело – первое сияние дня, – Ханнафин, в головной повязке и кроссовках, вышел из передней двери. Джейн проследила в бинокль за тем, как Ханнафин повернул ключ в замке, вынул его и спрятал в кармане шорт.

Днем ранее она наблюдала за ним из машины. Он пробежал три квартала на юг, потом свернул на восток, в квартал наездников, и направился по лошадиным следам в незастроенные холмы, поросшие кустарником и дикой травой. Он отсутствовал шестьдесят семь минут. Джейн потребовалась лишь небольшая часть этого времени, чтобы сделать то, что ей нужно было сделать.

4

Еще одно утро в Миннесоте. Плита сурового серого неба, похожая на грязный лед. В неподвижном воздухе разбросаны снежинки, они словно выскакивают через сжатые зубы упрямой бури.

Кора Гандерсан, в пижаме и сапожках по щиколотку, приготовила завтрак: пропитанный маслом тост с пармезаном, яичница с беконом «Ньюске», лучшим в мире беконом, который в жареном виде истончался, становился хрупким, ароматным.

Завтракая, она читала газету, а иногда отламывала кусочек бекона и давала его Дикси. Собака терпеливо ждала рядом с ее стулом и принимала каждый кусочек, повизгивая от удовольствия и благодарности.

Коре опять снился сон о том, что она идет, не обжигаясь, через свирепый огонь, а наблюдатели удивляются ее неуязвимости. После этого сна на сердце стало легче, она почувствовала себя очищенной, словно пламя сотворил любящий ее Господь.

Вот уже двое суток у нее не случалось мигрени – самый долгий перерыв с тех пор, как начались боли. Она даже стала надеяться, что необъяснимая болезнь закончилась.

Через несколько часов ей надо было принять душ, одеться, отправиться в город и сделать то, что следовало сделать.

Чтобы заполнить время, Кора, не уходя с кухни, открыла дневник, который вела вот уже несколько недель. Ровные, почти печатные буквы складывались в курсивные линии, которые плавно текли из-под пера.

Через час она отложила ручку, закрыла дневник и поджарила еще «Ньюске», на тот случай, если у нее больше не будет возможности поесть его. Странная мысль. Фирма «Ньюске» несколько десятилетий выпускала великолепный бекон, и не было никаких оснований предполагать, что она прекратит свой бизнес. Экономика пребывала в ужасном состоянии, многие компании закрывались, но только не «Ньюске». Тем не менее Кора поела бекона, добавив к нему дольки томатов и тост, пропитанный маслом. И опять поделилась с Дикси-Бель.

Джейн не стала идти по прямой – от пустого особняка до дома Ханнафина. Держа в руках сумку, она дошагала до конца квартала и прошла еще полквартала, после чего пересекла улицу и приблизилась к дому с севера. Таким образом заметно снижалась вероятность того, что кто-нибудь увидит, откуда Джейн появилась и где оказалась, – вряд ли этот человек стал бы так долго смотреть в окно.

Окаймленные кирпичом каменные ступени вели к глубокой террасе, по обеим сторонам которой начинала расцветать глициния, спускавшаяся с решетчатых панелей. Благодаря этому Джейн была защищена от посторонних взглядов, что облегчало незаконное проникновение в дом. Она вставила тонкий гибкий кончик «Локейда» в скважину и четыре раза нажала крючок, убрав все четыре штифта кодовой панели. Затем вошла внутрь и, прежде чем запереть за собой дверь, громко спросила посреди тишины:

– Эй, есть кто-нибудь?

Молчание. Джейн двинулась дальше.

Внутренняя отделка и мебель, выполненные со вкусом, были выдержаны в одном стиле. Каминны из сланца со вделанными керамическими плитками. Мебель в духе той, что производил Стикли⁵, с набивной хлопчатобумажной тканью

⁵ Густав Стикли (1858–1942) – известный в Америке изготовитель мебели,

землистых оттенков. Осветительные приборы в стиле «Искусств и ремесел». Персидские ковры.

Благополучный район, большой дом, отделка интерьера – все говорило против предположения о том, что Ханнафин может оказаться некоррупцированным журналистом. Он был газетчиком, а в нынешние времена, когда большинство изданий напоминали анорексичного подростка и понемногу угасали, даже сотрудники крупнейшей ежедневной газеты Лос-Анджелеса не получали больших зарплат. Крупные суммы перепали только тележурналистам, большинство которых были журналистами в той же мере, что и астронавтами.

Правда, Ханнафин написал с полдюжины нехудожественных книг, три из которых несколько недель пробыли в нижней трети списка бестселлеров. Серьезная, хорошо выполненная работа. Возможно, гонорары он вложил в дом.

Днем ранее, воспользовавшись библиотечным компьютером в Пасадене, Джейн легко взломала систему провайдера Ханнафина и выяснила, что у него есть не только мобильник, но и стационарный телефон, что упрощало дело. Она смогла проникнуть в систему телефонной компании, потому что знала о потайном ходе, который проделал Викрам Рангнекар, суперхакер из Бюро. Викрам Рангнекар, милый и забавный человек, обходил юридические запреты по приказу директора или высокопоставленных чиновников из Министерства

юстиции. Перед тем как уйти в отпуск, Джейн стала предметом невинного увлечения с его стороны, хотя в то время была замужем, далекая от этих игр, как будто находилась на Луне. Будучи агентом, Джейн действовала строго по уставу и никогда не прибегала к нелегальным методам, но всегда интересовалась тем, чем занимаются влиятельные коррупционеры в Министерстве юстиции, и разрешала Викраму демонстрировать свое волшебство, когда он хотел произвести на нее впечатление.

Теперь, по прошествии времени, она думала, что предвидела будущие неприятности, свое нынешнее отчаянное положение, необходимость скрываться и что ей пригодятся все трюки, которые показывал Викрам.

Согласно сведениям телефонной компании, кроме настенного аппарата на кухне, в доме было три настольных: в главной спальне, в гостиной и в кабинете. Джейн начала с кухни, а закончила работу в спальне: с помощью маленькой отвертки она снимала нижнюю крышку с телефона, подключала двухфункциональный чип дистанционного управления – подслушивающее устройство, или стандартный жучок, – устанавливала приспособление, отключающее чип, когда вешают трубку, и привинчивала крышку обратно.

Если бы выяснилось, что большая гардеробная при спальне непригодна для ее целей, Джейн нашла бы что-нибудь другое. Но гардеробная ее устроила. Одна дверь на петлях – не сдвижная. Дверь оказалась незапертой, но в ней был

ригельный замок: то ли потому, что в гардеробной имелся небольшой стенной сейф, то ли потому, что у покойной мисс Ханнафин водились драгоценные украшения. Вставить ключ в замок, находясь внутри гардеробной, было невозможно. Маленькая стремянка позволяла без труда дотянуться до верхних полок.

У Ханнафина было много одежды от модных фирм: костюмы от Брунелло Кучинелли, коллекция галстуков «Шарве», ящики, набитые свитерами «Сент-Круа». Джейн спрятала среди свитеров молоток, а в карман домашней куртки из синего, в мелкую полоску материала положила отвертку. После этого она потратила десять минут на осмотр ящиков в разных комнатах – не в поисках чего-то конкретного, а из желания составить мнение об этом человеке.

Если бы Джейн покинула дом через переднюю дверь, защелка сработала бы, а засов остался бы незапертым. Увидев засов, Ханнафин понял бы, что в его отсутствие здесь кто-то побывал. Поэтому она вышла через помещение, где стояла стиральная машина, – между домом и гаражом. Замок она не заперла: скорее всего, Ханнафин решит, что это его оплошность.

У боковой двери гаража засова не было, и, когда Джейн вышла и закрыла дверь за собой, сработала самозахлопывающаяся щеколда.

Вернувшись в пустой дом, выставленный на продажу, Джейн включила свет в хозяйской спальне – теперь, когда солнце взошло, никто ничего не заметил бы.

Как порой случалось в последнее время, в зеркале она увидела не то лицо, которое предполагала увидеть. После всего пережитого за последние четыре месяца она чувствовала себя постаревшей, измученной страхом, горем, тревогой. Волосы она укоротила и покрасила в каштановый цвет, но тем не менее выглядела почти так же, как в начале всего этого: молодая, двадцатисемилетняя, свежая, с ясными глазами. Трудно было представить, что ее муж умер, а единственному ребенку угрожает опасность, так что она прячет его, – никакой потерянности или тревоги ни на лице, ни в глазах.

В большой сумке среди прочих вещей лежал парик, превращавший ее в длинноволосую блондинку. Джейн надела его, закрепила, расчесала, собрала волосы сзади в хвостик и стянула его резинкой, затем напялила бейсбольную шапочку без всяких логотипов и надписей. В джинсах, свитере и спортивной куртке особого покроя, позволявшей надежно скрывать наплечный ремень с кобурой и пистолетом, она имела вполне безликий вид. Вот только в последние дни благодаря средствам массовой информации Джейн стала известной,

как телезвезда. Она могла бы замаскироваться надежнее, но ей хотелось, чтобы Лоренс Ханнафин не считал ее той, за кого она себя выдавала.

Она ждала у окна в спальне. Согласно ее часам, бегун вернулся через шестьдесят две минуты после начала утреннего моциона.

Как признанному автору бестселлеров, привлекавшему внимание публики к газете, ему разрешали время от времени работать дома. Тем не менее разогревшийся, вспотевший человек, вероятно, предпочел бы принять душ сразу же после пробежки. Джейн выждала десять минут, после чего отправилась к нему с визитом.

Ханнафин овдовел год назад, но так и не привык жить один. Возвращаясь домой, он нередко, как и сейчас, зовет Сакуру. Ответом всегда служит тишина, и он стоит неподвижно, ошеломленный ее отсутствием.

Иногда его охватывает иррациональное недоумение: мертва ли она на самом деле? Он уехал в командировку, когда ее здоровье резко ухудшилось. Не в силах видеть ее мертвой, он согласился на кремацию. И поэтому он иногда поворачивается, убежденный в том, что Сакура стоит у него за спиной, живая и улыбающаяся.

Сакура. «Вишневый цвет» по-японски. Это имя подходило к ее изящной красоте, но диссонировало с решительным характером...

Войдя в жизнь Ханнафина, она изменила его. Такая нежная, такая умная. Ее мягкая, но постоянная поддержка придавала ему уверенности – он стал писать книги, хотя прежде лишь говорил о том, как хорошо было бы что-нибудь написать. Для журналиста он был слишком погружен в себя, но Сакура извлекла его из «панциря несчастной черепахи», как она говорила, и открыла для него новые ощущения. До нее он не проявлял интереса ни к одежде, ни к хорошим винам. Она научила его пониманию стиля, сделала его вкус утонченным, и ему захотелось выглядеть красивым и изысканным.

ным, чтобы она испытывала гордость, появляясь в обществе вместе с ним.

После ее смерти он убрал все фотографии, на которых они были сняты вместе, – Сакура купила для них серебряные рамочки и любовно развесила и расставила снимки по всему дому. Эти фотографии преследовали его, как и сама она преследует его во сне – редкая ночь проходит без нее.

«Сакура, Сакура, Сакура», – шепчет он в тишине, а потом идет наверх, чтобы принять душ.

Он занимался бегом с молодых лет. Сакура убедила его продолжать это занятие, чтобы он оставался таким же стройным, как она, чтобы они были здоровыми и вместе старели. Бегать без Сакуры поначалу казалось невозможным, воспоминания, как призраки, поджидали его за каждым поворотом на пути, который они проделывали вместе. Но если бы он бросил бегать, это выглядело бы предательством, словно она и в самом деле оставалась там, на тропе, неспособная вернуться в дом, предназначенный для живых, словно она ждала его, желая увидеть его живым, здоровым и соблюдающим режим, установленный ею для обоих.

Если Ханнафин решится рассказать это своим коллегам по газете, они назовут его сентиментальным, а за глаза окрестьят слезливым, слащавым или придумают что-нибудь похуже: большинство современных журналистов не склонны проявлять чувствительность, если дело не связано с политикой. И все же...

В главной ванной он крутит ручку крана, устанавливая максимальную температуру. Из-за Сакуры он не пользуется обычным мылом, которое раздражает кожу, а вместо этого покрывает себя гелем «Ю ар эмэйзин». Шампунь на коньяке с яйцом изготовлен компанией «Хеэр рисайпс», а еще он использует кондиционер на аргановом масле. Все это казалось ему слишком женственным, смущало, пока Сакура была жива, теперь же стало частью его жизни. Ханнафин вспоминает времена, когда они мылись вместе, и опять слышит ее девичье хихиканье, сопровождавшее эти сокровенные мгновения.

Он выходит из душа и вытирается; зеркало в ванной покрыто туманом от пара. Отражение мутится, и Ханнафин почему-то беспокоится, словно, если нечеткая форма, повторяющая каждое его движение, проявится, это может оказаться не он, а какой-нибудь недочеловек из мира за стеклом. Если он протрет стекло, на нем будут подтеки. Он оставляет все как есть – пусть испаряется – и голый идет в спальню.

В одном из двух кресел сидит женщина поразительной красоты. На ней потертые рокпорты⁶, джинсы, никакой свитер, спортивная куртка без торговой марки, но выглядит она так, будто сошла со страниц «Вог». Она производит столь же ошеломительное впечатление, как модели с рекламы духов «Блэк опиум». Пораженный, Ханнафин застывает на месте,

⁶ *Рокпорты* – производное от «Рокпорт компани», американского производителя обуви.

почти уверенный, что с его головой не все в порядке, что это галлюцинация.

Женщина показывает на халат из его гардеробной, лежащий на кровати:

– Надевайте и садитесь. Нам нужно поговорить.

Доев последний кусочек бекона, Кора Гандерсан с удивлением поняла, что съела целый фунт, если не считать двух кусочков, скормленных собаке. Такое обжорство должно было бы смутить ее, а может, даже вызвать расстройство, но ни того ни другого не случилось. Напротив, потакание собственным слабостям казалось ей оправданным, хотя она и не понимала, по какой причине.

Обычно, покончив с едой, она тут же мыла посуду и столовые приборы, вытирала их и убирала. Теперь же ей представлялось, что мытье посуды будет бесполезной тратой драгоценного времени. Она оставила тарелку и грязные приборы на столе, а на покрытую жиром сковородку, стоявшую на плите, вообще не обратила внимания.

Облизывая пальцы, она бросила взгляд на дневник, который недавно заполняла с таким усердием, но, как ни напрягала мозги, не могла вспомнить, чему была посвящена последняя запись. Озадаченная, она отодвинула в сторону тарелку и придвинула к себе дневник, но не спешила его открывать.

Закончив колледж почти двадцать лет назад, она надеялась стать успешным писателем, серьезным романистом, пользующимся известностью. Теперь она понимала, что те наполеоновские планы были всего лишь детской фантазии.

ей. Иногда жизнь представлялась ей машиной для уничтожения планов молодости, действующей так же эффективно, как гидравлический пресс на кладбище старых автомобилей, который превращает старый хлам в компактные кубы. Ей нужно было зарабатывать на жизнь, и, когда она начала преподавать, желание создать книгу стало слабеть год за годом.

Теперь она не могла вспомнить, что записала в дневнике совсем недавно, но провал в памяти не беспокоил ее, не вызывал страхов о наступлении болезни Альцгеймера. Нет, она была склонна прислушаться к тихому внутреннему голосу, который говорил, что ее неприятно поразит качество написанного, что этот пробел в памяти – не что иное, как результат работы беспристрастного критика Кору Гандерсан, желающего уберечь писателя Кору Гандерсан от неизбежного огорчения, когда она обнаружит, что ее писания лишены блеска и глубины.

Кора отодвинула дневник и не стала просматривать запись.

Вместо этого она поглядела на Дикси-Бель, сидевшую рядом с ее стулом. Подняв золотистую морду, такса смотрела на хозяйку своими прекрасными глазами разного цвета, бледно-голубым и темно-карим.

Как правило, все собаки – не только душка Дикси – взирали на хозяев с любовной озабоченностью и долей нежной жалости, словно ведали не только глубинными людскими страхами и надеждами, но также правдой жизни и судьбой всех

вещей и хотели заговорить, чтобы поделиться своим знанием и утешить человека.

Именно с таким выражением Дикси смотрела на Кору, и этот взгляд брал за душу. Ею овладели беспричинная печаль и экзистенциальный страх, слишком хорошо знакомый ей. Она протянула руку и погладила Дикси по голове. Когда собака лизнула руку, у Кору на глазах выступили слезы.

– Что со мной, девочка? – спросила она. – Что-то со мной не так.

Спокойный, тихий внутренний голос призвал ее не волноваться, не тревожиться, подготовиться ко дню, полному событий. Слезы высохли.

Цифровые часы на плите показывали 10:31.

До поездки в город оставалось еще полтора часа. Мысль о том, что нужно заполнить такую прорву времени, вызывала необъяснимую нервозность, словно она должна была занять себя, чтобы не думать... О чем?

Пальцы ее дрожали, когда она открыла дневник на чистой странице и взяла ручку. Но дрожь прошла, стоило только начать писать. Словно в трансе, Кора быстро выводила аккуратные строки, ни разу не возвратившись к последнему написанному слову и не думая о том, каким будет следующее: она просто убивала время, чтобы успокоить нервы.

Дикси встала на задние лапки, а передними уперлась в стул Кору и заскулила, чтобы хозяйка обратила на нее внимание.

– Успокойся, – сказала Кора собаке. – Не тревожься. Не тревожься и подготовься ко дню, полному событий.

Потрясение перешло в смущение – голый Ханнафин покраснел до корней волос, беря халат. Надев его и завязав пояс, он овладел собой настолько, что настороженным тоном задал вопрос:

– Кто вы, черт побери?

Голос Джейн звучал твердо, но угрозы в нем не слышалось.

– Не волнуйтесь. Садитесь.

Ханнафин умел защищать свои права, и к нему быстро вернулась уверенность.

– Как вы сюда попали? Это взлом и нарушение прав собственности.

– Преступное нарушение прав собственности, – уточнила она, потом распахнула спортивную куртку и продемонстрировала наплечный ремень с пистолетом. – Садитесь, Ханнафин.

Поколебавшись, он осторожно шагнул ко второму креслу – так, чтобы сесть лицом к ней.

– На кровать, – велела Джейн, не желая, чтобы он садился слишком близко. В его зеленых глазах сквозил холодный расчет, но если даже он первоначально прикидывал, не стоит ли броситься на нее, то вскоре отказался от своего намерения. Он сел на край кровати.

- Денег в доме нет.
- Я похожа на грабителя?
- Я не знаю, что у вас на уме.
- Но вы знаете, кто я.

Он нахмурился:

- Мы не знакомы.

Она сняла бейсболку. Несколько секунд спустя его глаза широко раскрылись.

– Вы из ФБР. Или уже нет? Неконтролируемый агент, которого все ищут. Джейн Хок.

- Что вы думаете обо всем этом? – спросила она.

- О чем?

– Обо всем дерьме, которое льют на меня в телевизоре и в газетах?

Даже в этих обстоятельствах он быстро вошел в привычную роль дотошного репортера.

- А что я должен думать?

- Вы верите в это?

– Если бы я верил во все, что говорят в новостях, я был бы не журналистом, а идиотом.

– Вы считаете, что я и в самом деле убила двух человек на прошлой неделе? Скользкого дельца, промышлявшего в Темной сети⁷, и крутого адвоката с Беверли-Хиллз?

⁷ *Темная сеть* – часть Всемирной сети, для доступа в которую требуется специальное программное обеспечение или авторизация. Входит в состав так называемой Глубокой сети – сегмента Интернета, в который невозможно попасть, используя обычные поисковые машины.

– Вы говорите, что это не вы. Может, так и есть. Убедите меня.

– Нет, я убила их обоих, – сказала она. – Еще я убила человека по имени Натан Сильверман, он руководил отделом Бюро, в котором я работала. Я поступила так, чтобы избавить его от страданий, – он был моим добрым другом и наставником. Но вы об этом не слышали. Они не хотят, чтобы история стала достоянием гласности.

– Кто они?

– Кое-кто из Бюро. И из Министерства юстиции. Мне есть что рассказать вам. Это будет сенсацией.

Ханнафин смотрел непроницаемым взглядом, как нефритовый Будда. Помолчав, он сказал:

– Я возьму блокнот и ручку, и вы мне все расскажете.

– Оставайтесь здесь. Мы поговорим немного. А потом, может быть, дойдет дело до ручки и блокнота.

Ханнафин кое-как вытер волосы полотенцем. На лоб и на виски стекали капли воды. Воды или пота. Он посмотрел ей в глаза, опять помолчал и спросил:

– Почему я?

– Многим журналистам я не доверяю. Те немногие представители нового поколения, кому я могла бы довериться, неожиданно умерли. А вы живы.

– Только поэтому я и подошел? По той причине, что жив?

– Вы написали о Дэвиде Джеймсе Майкле.

– Миллионер из Силиконовой долины.

Дэвид Майкл унаследовал миллиарды, но ни один из них не был заработан в Силиконовой долине. Потом он заработал еще несколько миллиардов на добыче информации, на биотехнологиях, практически на всем, во что вкладывал деньги.

– Вы написали о нем беспристрастно, – сказала Джейн.

– Я всегда стараюсь быть беспристрастным.

– Но в тексте есть доля ехидства.

Он пожал плечами:

– Это филантроп, человек прогрессивных взглядов, трезвомыслящий, яркий и обаятельный. Но мне он не понравился. Я ничего не выудил из разговора с ним. У меня не было оснований предполагать, что он не тот, за кого себя выдает. Но у хорошего журналиста есть... интуиция.

– Дэвид Майкл вложил средства в исследовательскую лабораторию в Менло-Парке – «Шеннек текнолоджи». Потом он и Бертольд Шеннек стали партнерами в биотехнологическом стартапе «Далекие горизонты».

Ханнафин ждал продолжения, но Джейн молчала, и тогда он сказал:

– Шеннек и его жена Инга погибли в воскресенье при пожаре. На своем ранчо в долине Напа, где проводили уик-энды.

– Нет, их застрелили. Пожар – это официальная легенда.

Как бы человек ни владел собой, он тем или иным образом выдает свой страх, как игрок в покер тем или иным об-

разом выдает себя во время игры, и по этим проявлениям противник может узнать об эмоциональном состоянии игрока, если тот заметно волнуется: подергивается глаз, внезапно начинает пульсировать висок, язык слишком часто касается губ. Что-нибудь всегда есть. У Ханнафина Джейн не заметила ни малейших признаков страха.

– Вы убили их тоже? – спросил он.

– Нет. Но они заслужили смерть.

– Значит, вы судья и жюри присяжных в одном лице?

– Меня нельзя подкупить, как судью, или провести, как присяжного. Как бы то ни было, Бертольда Шеннека и его жену убили, потому что «Далекie горизонты» – иными словами, яркий и обаятельный Дэвид Майкл – решили, что больше не нуждаются в них.

Несколько мгновений Ханнафин вглядывался ей в глаза, словно мог узнать правду по диаметру зрачков, по голубым бороздкам радужек. Наконец он встал:

– Черт побери, женщина, мне нужны ручка и бумага.

Джейн вытащила пистолет из-под спортивной куртки:

– Садитесь.

Он не стал садиться.

– Я не могу доверять все это своей памяти.

– А я не могу доверять вам, – сказала Джейн. – Пока не могу. Садитесь.

Он неохотно сел. Но пистолет, казалось, не напугал его. По его лицу, вероятно, стекала вода, а не пот.

– Вы знаете, что случилось с моим мужем, – продолжила она.

– О нем много говорили в новостях. Морской пехотинец, много наград. Совершил самоубийство месяца четыре назад.

– Нет. Его убили.

– Кто?

– Бертольд Шеннек, Дэвид Джеймс Майкл. Все эти сволочи, связанные с «Далекими горизонтами». Вы представляете себе, что такое наномашинны?

Перемена темы озадачила Ханнафина.

– Нанотехнологии? Макроскопические машины всего из нескольких молекул. Применяются кое-где. Но в основном это какая-то научная фантастика.

– Нет, это научный факт, – поправила она. – Бертольд Шеннек создал наномашинны, которые вместе с сывороткой впрыскиваются в кровь. Сотни тысяч мельчайших элементов устремляются в мозг. Проникнув сквозь капиллярные стенки в мозговую ткань, они образуют более крупную структуру.

– Более крупную структуру? – Лоб его сморщился от недоверия, в уголках глаз появились складки кожи. – Какую еще структуру?

– Механизм управления.

Возможно, Ханнафин подумал, что Джейн принадлежит к числу параноиков, готовых носить шапочку из фольги для защиты от психотронного оружия, но ничем этого не выдал. Он умудрялся не терять чувства собственного достоинства, хотя и сидел на краю кровати в махровом халате, босой. Положив руки на колени, он внимательно слушал.

– В прошлом уровень самоубийств в США составлял двенадцать человек на сто тысяч. За последний год он поднялся до пятнадцати.

– Предположим, вы правы. Предположим, он действительно поднялся. И что? Сейчас для многих наступили тяжелые времена. Неважное положение в экономике, социальное недовольство.

– Вот только этот рост происходит за счет успешных людей, большинство которых были счастливы в браке и не впадали в депрессию. Военные... вроде моего мужа. Журналисты, ученые, доктора, юристы, полицейские, учителя, экономисты. Эти фанатики устраняют людей, которые, согласно их компьютерной модели, могут повести цивилизацию в неверном направлении.

– Кто создал эту модель?

– Шеннек. Дэвид Майкл. «Далекие горизонты». Мерзавцы в правительстве, которые их поддерживают. Это их мо-

дель.

– И как они устраняют людей?

– Вы меня слушаете? – спросила она. Ее сдержанность, приобретенная в ФБР, дала маленькую трещину. – Механизмы управления из наномашин. Самособирающиеся мозговые имплантаты. Их вводят...

Он прервал ее:

– С какой стати человек должен соглашаться на инъекцию?

Джейн в возбуждении вскочила с кресла, отошла от Ханнафина и остановилась, глядя на него. Дуло пистолета теперь, по случайности, было направлено в пол, рядом с его ступней.

– Конечно же, они не подозревают об инъекции. Сначала они тем или иным образом получают дозу успокоительного. В ходе конференций. В то время, когда они вдали от дома, в пути, когда они одни и уязвимы. Механизм управления образуется в мозгу в течение нескольких часов после инъекции, а потом они просто забывают о том, что случилось.

Ханнафин, невозмутимый, как стена с иероглифами в гробнице фараона, смотрел на Джейн так, будто она была то ли пророчицей, предсказывающей судьбу человечества, которую он давно предвидел, то ли сумасшедшей, которая выдает свой бред за истину. Трудно было сказать, к чему он склоняется. Может быть, он осмыслял ее слова, старался разобраться в них. А может быть, думал о револьвере в

ящике прикроватной тумбочки, который она обнаружила во время первого посещения дома.

Наконец он произнес:

– А затем эти люди, те, кто получил инъекцию... управляют. – Он не смог приглушить нотку недоверия в своем голосе. – Вы хотите сказать, как роботы? Как зомби?

– Все не так просто, – нетерпеливо пояснила Джейн. – Они не знают, что ими управляют. А несколько недель или месяцев спустя получают команду совершить самоубийство и не могут не выполнить ее. Оставляют невнятные посмертные записки. Генеральные прокуроры как минимум двух штатов пытаются скрыть это. Я говорила с судмедэкспертом, которая во время аутопсии видела структуру из наномашин во всех четырех долях мозга.

Джейн располагала большим количеством информации и хотела завоевать доверие Ханнафина. Но когда она говорила слишком быстро, получалось неубедительно. Она сама чувствовала, что скоро начнет заговариваться, и собралась было убрать пистолет, чтобы подбодрить его, но отказалась от этой мысли. Ханнафин был крупным мужчиной и находился в хорошей форме. Если бы дошло до схватки, Джейн не справилась бы с ним. И если был хоть малейший шанс на то, что он воспользуется представившейся возможностью, не стоило давать ему эту возможность.

Она набрала в грудь воздуха и спокойным голосом заговорила:

– Компьютерная модель определяет критическое число американцев в каждом поколении. Тех, кто может повести цивилизацию в неверном направлении, поставить страну на край пропасти, распространяя опасные идеи.

– Компьютерную модель можно подогнать под любые желаемые результаты.

– До вас доходит! Но для них эта модель еще и служит оправданием. Общее число людей, установленное программой, составляет двести десять тысяч. Поколения сменяются, как они утверждают, через каждые двадцать пять лет. Компьютер говорит им: уничтожайте ежегодно восемь тысяч четыреста человек – и вы получите идеальный мир, в котором царят спокойствие и гармония.

– Это же чистое умопомешательство.

– А вы не обратили внимания, что безумие становится нормой?

– Неверные идеи? Что за неверные идеи?

– Они не уточняют. Но опознают эти идеи, когда сталкиваются с ними.

– Они собираются убивать людей, чтобы спасти мир?

– Уже убивают. И убитых немало. Убивать во имя спасения мира – разве трудно в это поверить? Старая история.

Возможно, Ханнафину надо было двигаться, чтобы переварить серьезную и совершенно новую для него мысль, справиться с потрясением. Он снова поднялся, не выказывая никаких агрессивных намерений, но к тумбочке с револьвером

не пошел. Джейн переместилась поближе к двери в коридор. Ханнафин двинулся в сторону от нее, к ближайшему из двух окон, встал у подоконника и принялся смотреть на улицу, ухватив себя рукой за подбородок, словно только что проснулся и прогонял липнущие к нему остатки сна.

– На сайте Национального центра информации о преступлениях вы занимаете самое видное место. Фотографии. Федеральный ордер на ваш арест. Говорят, что вы – главная угроза национальной безопасности, что вы похитили секреты, разглашение которых может нанести ущерб нашей оброне.

– Они лгут. Вам нужна сенсация века или нет?

– Сайтом НЦИП пользуются все силовые ведомства страны.

– Я и без того знаю, что попала в сложное положение.

– Никому не удастся долго уходить от ФБР. Или от Министерства внутренней безопасности. В наше время, когда повсюду есть камеры и дроны, а каждая машина через навигатор сообщает о своем местонахождении...

– Я знаю, как все это действует. И как не действует.

Ханнафин отвернулся от окна и посмотрел на нее:

– Вы ополчились против мира, чтобы отомстить за мужа.

– Это не месть. Я хочу восстановить его доброе имя.

– Думаете, есть разница? И, кроме того, в деле замешан ребенок. Ваш сын. Трэвис – так его зовут? Сколько ему лет? Пять? Я не стану участвовать ни в чем, что поставит под

угрозу жизнь ребенка.

– Его жизнь уже поставлена под угрозу, Ханнафин. Когда я продолжила расследовать смерть Ника и другие самоубийства, эти мерзавцы стали угрожать мне убийством Трэвиса. Грозили похитить его и убить. Мне пришлось бежать вместе с ним.

– Он в безопасности?

– Пока в безопасности. Он в надежных руках. Но чтобы ему ничто не угрожало, я должна раскрыть этот заговор, вывести их на чистую воду. У меня есть доказательства. Флешки с файлами Шеннека, где отражены все этапы разработки мозговых имплантатов, механизмов управления. Данные о его экспериментах. Ампулы с препаратом, готовым к инъекции. Но я не знаю, кому можно верить в Бюро, в полиции, где угодно. Мне нужно, чтобы вы опубликовали материал об этом. У меня есть доказательства. Но я не стану делиться ими с людьми, которые заберут их у меня и уничтожат.

– Вы скрываетесь от правосудия. Если я буду сотрудничать с вами, вместо того чтобы сдать властям, я стану вашим пособником.

– Как журналист, вы получите освобождение от ответственности.

– А если мне его не предоставят? А если вы лжете? А если вы не та, за кого себя выдаете?

Лицо Джейн покраснело от злости, голос зазвучал резко.

– Они используют наномашинны не только для избавления Америки от тех, кто им не нравится. Есть и другие области применения – вы испытаете отвращение, когда я расскажу о них. Отвращение и ужас. Речь идет о свободе, Ханнафин, вашей и моей. О том, что нас ждет – надежда или рабство.

Ханнафин снова уставился на улицу внизу, не говоря ни слова.

– Мне показалось, что я видела пару яиц, когда вы вышли из душа. Может, они у вас для украшения?

Его висевшие по бокам руки сжались в кулаки, – возможно, он подавлял в себе злость и желание ударить ее... или был удручен тем, что не может проявлять такого же бесстрашия, как на заре своей журналистской карьеры.

Джейн вытащила глушитель из кармана на наплечном ремне и навинтила его на пистолет.

– Отойдите от окна. – (Он не шелохнулся.) – Сейчас же, – прибавила она, взяв пистолет обеими руками.

При виде ее позы и глушителя он подчинился.

– Пройдите в гардеробную, – велела она.

Его раскрасневшееся лицо побледнело.

– Что вы намерены сделать?

– Успокойтесь. Я хочу дать вам время подумать.

– Вы собираетесь меня убить.

– Не говорите глупостей. Я вас запру и дам время подумать над моими словами.

Перед тем как принять душ, он оставил бумажник и ключи.

чи от дома на прикроватной тумбочке. Теперь ключ на забавном брелке-колечке из красной пластмассы торчал в замке гардеробной.

Ханнафин помедлил, стоя на пороге.

– Выбора у вас нет, – сказала она. – Пройдите к дальней стене и сядьте на пол.

– И сколько времени вы меня там продержите?

– Я спрятала там молоток и отвертку. Найдите их, выбейте стержни из петель и откройте дверь. На это уйдет минут пятнадцать-двадцать. Я не позволю вам смотреть, как я выхожу из дома, и не дам увидеть свою машину.

Поняв, что гардеробная не станет для него гробом, Ханнафин испытал облегчение. Он вошел внутрь и сел на пол.

– Тут правда есть молоток и отвертка?

– Правда. Извините, что поступаю с вами так, но я в тяжелом положении и не допущу, чтобы кто-нибудь встал у меня на пути. Сейчас без четверти девять. Я позвоню вам в полдень. Надеюсь, что вы согласитесь мне помочь. Но если вы не готовы опубликовать материал, который восстановит против вас легионы демонов, скажите мне об этом и оставайтесь в стороне. Я не хочу связываться с человеком, не способным довести дело до конца.

Не дав ему времени ответить, Джейн закрыла дверь и заперла ее, оставив ключ в скважине. Судя по шуму, который раздался за дверью, Ханнафин тут же принялся искать молоток и отвертку.

Она свинтила глушитель с пистолета, разместила их на ремне по отдельности, взяла сумку и поспешила вниз по лестнице. Спустившись, она громко хлопнула наружной дверью, чтобы Ханнафин наверняка услышал.

Ночь была ясной и звездной, а рассветное небо – прозрачным, теперь же голубизна, распростершаяся над долиной Сан-Габриэль, отступала перед армадой туч, текших с северо-запада на Лос-Анджелес. В густой листве индейского лавра уже устраивались певчие воробьи, успокаивая друг друга приятными трелями и чистыми нотами, а воробьи, эти крикливые предвестники грозы, все еще носились по небу.

В тысяче шестистах милях от Лос-Анджелеса, в Миннесоте, Кора Гандерсан закрыла дневник. Цифровые часы на плите показывали 11:02. Последний приступ сочинительства удивил ее не меньше предыдущего. Она не знала, какие слова занесла на страницы дневника, почему вдруг решила записать их и по какой причине не хочет к ним возвращаться.

Спокойный, тихий голос, шедший изнутри, советовал не волноваться. Все будет хорошо. Больше двух дней без мигрени. На следующей неделе в это время она, скорее всего, уже будет в своей классной комнате, вместе со школьниками, которых любила почти как собственных детей.

Настало время для очередного кормления Дикси-Бель и второго туалета. С учетом съеденного бекона Кора дала ей два – а не четыре, как обычно, – небольших печенья в форме монетки. Собака, казалось, осознала правоту хозяйки и не стала просить добавки и ворчать. Вместо этого она побежала через кухню к задней двери, постукивая коготками по линолеуму.

Натянув на себя пальто, Кора сказала:

– Господи Иисусе, Дикси, только посмотри на меня: уже день, а я все еще в пижаме. Если я в ближайшее время не вернусь в школу, то превращусь в безнадежную бездельницу.

С рассвета на улице почти не потеплело. Замерзшее, застывшее низкое небо не предвещало обещанной снежной бури, если не считать редких белых хлопьев, медленно, по спирали спускавшихся вниз сквозь мирный воздух.

Дикси пописала, но не понеслась сразу же в дом, а остановилась и уставилась на Кору, стоявшую на крыльце. Таксам не нужно много бегать, а Дикси к тому же не любила долгих прогулок и вообще предпочитала не находиться снаружи. Если не считать первого утреннего выхода, она всегда спешила внутрь, сделав свои дела. Сегодня Коре пришлось позвать собаку, и та неохотно двинулась к двери, словно не была уверена, что ее хозяйка – это ее хозяйка, словно и Кора, и дом стали для нее чужими.

Кора приняла душ и через несколько минут с силой протерла волосы полотенцем. Пользоваться феном и стильной щеткой не имело смысла: ее кудри противились укладке. Она не питала иллюзий относительно своей внешности и давно уже примирилась с тем, что ей не суждено кружить головы мужчинам. Вид у нее был приятный и презентабельный – максимум того, что дается некоторым, не самым счастливым, людям.

Платье не соответствовало времени года, но все же Кора надела его: белое, из искусственного шелка, с рукавами на три четверти руки, чуть приталенным лифом, высоким круглым воротником и юбкой в крупную складку, простроченной до уровня бедра. Из всех платьев, которые она носила за

свою жизнь, это, как ни одно другое, помогало ей почувствовать себя почти привлекательной. Из-за нелюбви к высоким каблукам она надела белые кроссовки.

Кора обулась и лишь тогда поняла, что именно такую одежду носила в своих огненных снах на протяжении пяти ночей подряд, включая и последнюю. Теперь она чувствовала себя чуть ли не хорошенькой и к тому же обрела ощущение неуязвимости, которое делало ее сон таким приятным.

– Ты смешная собачка, мисс Дикси, – сказала Кора. – Иногда ты бываешь такой глупой.

В девять часов возник небольшой риск того, что появится риелтор, желающий показать дом клиентам. Но в будний день, как этот, большинство работающих клиентов назначали встречи на время после пяти вечера.

Но даже если бы агент появился вместе с клиентами, не было необходимости угрожать им пистолетом. В потолке гардеробной рядом с хозяйской спальней имелась дверь, ведущая на чердак. Джейн подтащила к ней складную лестницу – на всякий случай. Как только внизу послышатся голоса, она отступит наверх, в царство пауков и чешуйниц, и затащит туда лестницу.

Вернувшись в спальню, она достала из сумки компактный FM-приемник и включила его в розетку под окном, из которого прежде вела наблюдение за домом Ханнафина. Этот специальный аппарат, оснащенный усилителем и записывающим устройством, работал на частотах ниже коммерческих, тех, где действовали радиостанции, и был настроен на волну, излучаемую передатчиками, которые Джейн вмонтировала в четыре телефона Ханнафина.

Приемник понадобится только в том случае, если журналист позвонит кому-нибудь с одного из четырех аппаратов. Если он захочет поговорить с кем-нибудь до разговора с ней в полдень, то, скорее всего, воспользуется своим сотовым.

Большинство людей считали, что прослушивать звонки сотовых гораздо сложнее. Это было так – но не всегда и не в тех случаях, когда желающий подслушать вас подготовился надлежащим образом.

Джейн вытащила из сумки анонимный мобильник, один из трех, которые имелись в ее распоряжении; все были приобретены несколькими неделями ранее в больших гипермаркетах. Рядом с микрофоном мобильника располагался запрограммированный электронный свисток размером с ружейный патрон, способный воспроизводить любой звуковой код. Раздвинув шторы на шесть дюймов, чтобы видеть дом Ханнафина, она ввела номер его стационарного телефона в свой анонимный мобильник, нажала на кнопку «отправить» и мгновение спустя включила электронный свисток.

Чипы, которые она установила в четыре телефонных аппарата, можно было настроить на прослушивание звонков или звуков внутри помещения. Звуковой код электронного свистка активировал вторую опцию, отключив звонок на телефонах журналиста. Теперь Джейн могла слышать все, что происходит в доме.

Телефоны в кухне, гостиной и кабинете не передавали ничего, кроме тишины, поэтому Джейн хорошо слышала все звуки, доносившиеся из спальни. Стук молотка по ручке отвертки и тонкий лязг стержней, выбиваемых из петли, говорили о том, что Ханнафин нашел инструмент, который она спрятала среди его одежды.

Наконец звук ударов прекратился – стержни из трех петель были выбиты. Вскоре после этого Джейн услышала дребезжание двери, которая не поддавалась, несмотря на его усилия. Внезапная тишина и приглушенные проклятия означали, что Ханнафин осознал жестокую истину: теперь, когда стержни выбиты, ничто не соединяет части петель на двери и косяке, но дверь не открывается больше чем на дюйм из-за потайного замка.

Именно поэтому Джейн оставила ему прочную отвертку и стальной молоток весом в двадцать унций, а не что-нибудь полегче. Чтобы открыть массивную щитовую дверь, придется раскромсать и расколоть дерево и вытащить дверные части петель либо, потратив еще больше усилий, прорубиться к механизму потайного замка – выматывающая работа.

Джейн сказала Ханнафину, что он сможет освободиться за пятнадцать-двадцать минут, но то была ложь. Чтобы выйти из гардеробной, ему потребовалось бы не меньше часа. Она хотела дать Ханнафину время поразмыслить над ее предложением, прежде чем он доберется до телефона. И еще она надеялась, что он поймет, обессиленный: в каждое мгновение их короткой встречи она на несколько шагов опережала его. И всегда будет опережать.

Пятью годами ранее Кора прошла учебный курс с Дикси-Бель, после чего собаку официально признали терапевтической. С тех пор она каждый день брала в школу своего лучшего друга. Кора учила особых детей – с отставанием в развитии и целым букетом эмоциональных проблем. Мисс Дикси с ее пушистым хвостиком, добрыми глазами и бьющей через край энергией совершала чудеса героизма – позволяла гладить себя, обнимать и дразнить и при этом неизменно успокаивала детей, смягчала их страхи и таким образом помогала сосредоточиться.

И вообще, Кора повсюду таскала Дикси с собой.

В маленькой комнате рядом с кухней, где стояла стиральная машина, собака остановилась под вешалкой с несколькими ошейниками и поводками, помахивая хвостом и выжидательно глядя на хозяйку. Прогулки мало интересовали Дикси, но занятия в классе и поездки на «форде-экспедишн» она любила.

Кора сняла красный ошейник и такого же цвета поводок, опустилась на колени, чтобы застегнуть ошейник на таксе... и тут обнаружила, что ее руки бешено трясутся, пальцы не могут совместить и защелкнуть две части застежки.

Предполагалось, что она появится с собакой. Она понимала, что должна принести драгоценную Дикси. Понимала,

что собака по какой-то причине является вишенкой на торте, частью ее собственного портрета, который она должна написать в этот важный день. Но руки почти не слушались ее – застежка сопротивлялась.

Собака, повизгивая, вернулась через открытую дверь на кухню и остановилась, глядя на Кору. Хвост больше не двигался.

– Не знаю, – услышала Кора собственный голос. – Не знаю... Не уверена. Не понимаю, что мне делать.

Спокойный, тихий голос (принадлежавший, как она считала, ее интуиции и сознанию) пока не раздавался. Но появилось нечто вроде текстового сообщения: светящиеся слова складывались в повелительные предложения на некоем виртуальном экране в темном уголке мозга. Затем послание из текстового стало звуковым, соблазнительный мужской голос зашептал в ее голове:

«Нет времени. Поспеши, поспеши, поспеши. Сделай то, для чего ты родилась. Ты не достигла славы как писатель, но слава придет к тебе, когда ты сделаешь то, для чего родилась. Ты станешь знаменитостью, объектом поклонения».

Кора могла воспротивиться желанию взять с собой собаку, но этому голосу она противиться не могла. Напротив, стремление подчиниться своему сознанию, своей интуиции, этой неведомой силе – Богу? – которая говорила с ней, трогало душу обещанием того, в чем ей так долго отказывали... это стремление было непреодолимым.

Когда она повесила ошейник и поводок обратно на вешалку, руки тут же перестали дрожать.

– Мамочка скоро вернется, детка. Все будет хорошо. Я ненадолго, – сказала она Дикси.

Затем Кора открыла дверь между помещением для стирки и гаражом, поежилась от холодного воздуха. Она забыла надеть пальто, помедлила... Нет, задерживаться нельзя. Надо спешить, спешить, спешить.

– Я тебя люблю, Дикси, очень люблю, – сказала Кора. Собака заскулила, а Кора шагнула в гараж.

Она не стала включать люминесцентную панель, а сразу прошла к водительской двери белоснежного «форда-экспедишн», мерцавшего в полумраке одноместного гаража.

Она села за руль, завела двигатель, нажала на кнопку пульта, чтобы открыть большую сегментированную подъемную дверь. Потрескивая, та поползла вверх, и в гараж хлынул дневной свет. Коре показалось, что это сродни сверкающему притоку света в кино, который всегда предвещает чудесное явление феи-крестной, доброго инопланетянина либо посланника небес. В ее тихой, размеренной жизни намечались важнейшие события, и ожидание какой-то неопределенной славы переполняло ее восторгом.

Слабый запах бензина заставил Кору повернуть голову и посмотреть назад. Спинка заднего сиденья была опущена, чтобы увеличить объем багажника, где в три ряда стояли пятнадцать ярко-красных двухгалонных канистр. Еще вече-

ром Кора свинтила крышечки и разливные носики с каждой канистры, заменив их на два слоя пищевой пленки, закрепленной на горловинах при помощи резинок.

Кора забыла об этих своих приготовлениях, а теперь вспомнила – без малейшего потрясения. Она обвела взглядом канистры, зная, что должна гордиться сделанным, потому что соблазнительный голос похвалил ее, рассказал о том, для чего она родилась.

На переднем пассажирском сиденье стояла большая металлическая кастрюля, в которой она часто готовила супы и тушенку. На дне кастрюли лежали зеленые кирпичики флористической пены, купленные вчера в садоводческом магазине. В пене вертикально стояли две связки длинных спичек, по десять штук в каждой, удерживаемые двумя резинками: одна – под спичечными головками, другая – у противоположного конца связки. Рядом с кастрюлей лежала маленькая газовая зажигалка.

Кора подумала, что спички похожи на связки крохотных увядших цветов, волшебных цветов, которые расцветут яркими букетами, когда будет сказано магическое слово.

Среди канистр были разбросаны две сотни спичечных головок, срезанных ею с палочек.

Выехав наружу, под серое небо, она даже не потрудилась взять пульт и опустить за собой гаражную дверь. Приятный голос теперь говорил ей, что время драгоценно, и Коре не терпелось узнать, почему это так. Когда она доехала до конца

подъездной дорожки, обнаженная кожа согрелась благодаря теплоте воздуха из вентиляционных отверстий, и пальто перестало быть нужным.

Джейн ждала в пустом помещении по другую сторону улицы и при помощи анонимного мобильника следила за тем, что происходит в доме Лоренса Ханнафина. Ей показалось заслуживающим внимания то, что за сорок семь минут, которые потребовались журналисту, чтобы освободиться, он ни разу не позвал на помощь.

Гардеробная помещалась в середине дома и не имела окон. Возможно, журналист знал, что дом построен добротно и никто за его стенами не услышит крика изнутри. А может быть, он уже решил, что сенсация слишком велика и нельзя отказываться, невзирая на риски. В этом случае он не стал бы звать на помощь, чтобы не пришлось объяснять, кто его запер.

Она решила, что надежда есть.

Последний удар. Дверь гардеробной где-то вдалеке рухнула на пол спальни, вслед за этим раздалось тяжелое дыхание Ханнафина. Сопение стало громче, когда Ханнафин пересек комнату и приблизился к телефону, но потом стихло: видимо, он вошел в ванную, оставив за собой открытую дверь.

Послышался новый звук, и Джейн лишь через несколько секунд поняла, что это, вероятно, шумит вода, стекая по раковине. Потратив много сил, Ханнафин захотел пить, а также ополоснуть потное лицо. Минуту спустя он выключил

воду, после чего в трубке раздались неопознаваемые шумы, затем стук – видимо, Ханнафин поднял стульчак, который ударился о сливной бачок, – и наконец звон струи. Мыть руки он явно не стал.

Затем он вышел из ванной. Судя по тому, как близко раздавались возбужденное дыхание и мягкий стон пружин, Ханнафин сел на край кровати в одном футе от телефона со включенным микрофоном.

Если он снимет трубку, чтобы позвонить, придется тут же вырубить передатчик, чтобы он услышал обычный сигнал. В этот момент двухрежимный чип переключится на простую прослушку, и Джейн услышит разговор благодаря стоящему перед ней, на подоконнике, FM-приемнику с усилителем и записывающим устройством.

Ханнафин сделал несколько глубоких вдохов – похоже, для самоуспокоения. Очевидно, это не помогло: не в силах сдержать ярость, он выдал залп красочных ругательств. Потом он, видимо, включил смартфон – Джейн услышала по открытой линии приветственную музыку оператора связи. Он явно верил, что разговор по сотовому будет пребывать в тайне, что этот канал гораздо менее уязвим, чем стационарная линия.

Джейн надеялась, что он не станет никому звонить и дождется ее звонка, назначенного на полдень. Возможно, планировалась вполне невинная беседа – например, отмена какой-нибудь встречи. Но вероятность того, что Ханнафин ее

разочарует, была велика.

Звука тонального набора не последовало – значит он пока никому не звонил. Вместо этого он горько пробормотал себе под нос:

– Двинутая сифилитичка. Да, у меня есть пара яиц, лоханка долбаная, и они не для украшения.

Джейн подозревала, что знает, к кому обращены эти слова.

Еще один звук – вероятно, открылся ящик.

– Попробуй еще раз, сучара, получишь прямо между сек.

Возможно, Ханнафин достал револьвер из прикроватной тумбочки. Затем около минуты он занимался чем-то непонятным – раздавался только шелест. Наконец Джейн услышала звуки тонального набора. Ханнафин явно перевел мобильник в режим громкой связи, потому что после второго гудка раздался женский голос:

– «Вудбайн, Кравиц, Ларкин и Бенедетто».

Юридическая фирма.

– Рэндала Ларкина, пожалуйста.

– Минуточку, пожалуйста.

Еще один женский голос:

– Офис Рэндала Ларкина.

– Лоренс Ханнафин. Соедините с Рэнди.

– Он разговаривает, мистер Ханнафин.

– Поставьте на ожидание.

– Боюсь, что разговор долгий.

– Скажите ему на ухо. Сообщите, что это важно. Вопрос жизни и смерти.

Джейн Хок стояла у окна пустого дома, прижимая к уху анонимный телефон в ожидании ответа Ларкина. Грозовой фронт, темный, как железо, напелзал на небо со стороны Глендоры, заполняя угрожающей, мрачной тишиной все пространство вплоть до Пасадены.

Кора Гандерсан жила среди широких холмистых полей и хвойных лесов: сосны разных видов, голубые, черные, европейские ели. Луга были покрыты одеялом безукоризненной белизны, деревья украшены снежными гирляндами, как на рождественских открытках. Дорогу местного значения расчистили как следует – черная атласная лента, брошенная на девственно-белую землю.

Белизна, похоже, была в повестке дня: окрестные пейзажи, машина, за рулем которой сидела Кора, ее платье, туман, заволокший ее память, не давал ей разглядеть собственные намерения. Облако, окутавшее разум, не тревожило ее теперь, а, напротив, доставляло приятные ощущения: собака была дома, в безопасности, а сама она, сидя в теплом салоне, пересекала зимнюю Страну чудес. Свобода от чрезмерного умственного напряжения была благодатью. Всю жизнь мысли ее метались, когда она исписывала стопки бумаги, так и не осмелившись отправить их агенту или издателю, когда разрабатывала новые методики обучения для детей с особенностями развития, когда нажимала на попечительский совет, чтобы школа больше помогала мальчикам и девочкам, от которых многие спешили скорее избавиться, считая их помехой, камнем на шее общества. Теперь она думала только о красоте и покое местности, по которой ехала, о внутреннем

голосе, который заботился о ней и обещал, что ее мечты сбываются.

Поездка в город занимала полчаса, если не гнать. И Кора не должна гнать. Ее ни разу не оштрафовали за превышение скорости или другое нарушение. Она гордилась, что жила жизнью, отвечающей *corpus juris*⁸ ее страны во времена, когда верховенство закона везде трещало по швам, когда расцветала коррупция. По причинам, которых она не понимала – или еще только должна была понять, – Кора знала, что в этот день, самый важный из всех, она должна ехать, неукоснительно соблюдая все правила, чтобы ни один полицейский не остановил ее.

Через двадцать пять минут снежная буря, только что скованная мерзлыми небесами, внезапно вырвалась на свободу. Сверху повалил снег в невообразимом количестве. Коре, со всех сторон окруженной окнами, казалось, что она двигается по этому пространству, наблюдая за всемирной зимой из бесснежной стеклянной сферы.

Приятный внутренний голос призывал ее видеть в снегопаде предзнаменование. Метель не могла заморозить курчавые волосы Кору или обдать ее холодом, так же как ей не мог повредить огонь. То было предзнаменование, подтверждающее дарованную ей неуязвимость, надежную защиту от всего горячего и холодного, от всего острого и тупого, от всех смертельных опасностей.

⁸ Свод законов (*лат.*).

Кора проехала по окраинам городка и притормозила в начале Фицджеральд-авеню – длинной, пологой улицы, которая под прямым углом вливалась в Мейн-стрит. Потом взяла газовую зажигалку и проверила, работает ли она. На тот случай, если зажигалка испортится, в бардачке лежала еще одна. Но и первая не подвела.

Под изъязвленным темнеющим небом особняк Ханнафина, со всеми своими архитектурными особенностями, выглядел сказочным домом, на который наложили проклятие; а в окне пустующего здания застыло едва различимое, призрачное отражение Джейн с прижатым к уху сотовым телефоном...

Рэндал из юридической фирмы «Вудбайн, Кравиц, Ларкин и Бенедетто» ответил наконец на звонок Лоренса Ханнафина.

– Вопрос жизни и смерти? Дай бог, чтобы так оно и было, Ларри, – мне пришлось отделаться от важного клиента, который не привык к такому отношению.

– Твоя линия защищена?

– Защищена, не сомневайся. Проверяем ее два раза в день. Ты говоришь по громкой?

– Не бери в голову. Я один в доме, одеваюсь. Понимаешь, тут дерьмо попало на вентилятор. Черт побери, она больше не застанет меня нагишом.

– Она – это кто?

– У меня только что была гостья. Вдова, пятизвездочная сучка, которую в последний раз видели в Напе.

Ларкин поначалу никак не отреагировал. Джейн подумала, что он не сразу понял, о ком говорит журналист. На са-

мом деле это было молчание человека, которого ударили по голове пыльным мешком. Наконец он заговорил, в голосе его сплелись ярость и недоверие:

– Черт возьми! Не морочь мне яйца. Хочешь сказать, она позвонила в твою дверь?

– Я вышел из душа, а тут она сидит, направив на меня пистолет.

– Но она не может знать...

– Не может, – согласился Ханнафин. – И не знает.

– Откуда, черт побери, она может знать о тебе?

– Она не знает, – повторил Ханнафин. – Она хочет мне довериться. Хочет, чтобы я опубликовал эту историю. Она мне все это выложила.

– Где она сейчас?

– Не знаю. Она предложила мне подумать и сказала, что позвонит, когда я подумаю. А потом заперла меня в гардеробной, чтобы я не мог увидеть ее машину. Пришлось выбираться самому. Эта сука оставила мне молоток и отвертку. Хочу теперь заявиться к ней, когда она будет голой, и показать, как еще можно употребить эту чертову отвертку.

– Не трепись об этом.

– Я не треплюсь.

– По голосу слышу, что собираешься.

– Говорю же, нет. Это шанс.

– Невероятный шанс, – согласился Ларкин.

– Вряд ли она теперь брюнетка. Она надела светлый парик

с длинными волосами, чтобы выглядеть так, как прежде – когда все это еще началось. Значит, не хотела, чтобы я заметил, насколько у нее изменились цвет волос и прическа. Не хотела быть похожей на женщину с сайта НЦИП.

– Какого хрена ты это говоришь, зачем мне ее волосы? – спросил Ларкин.

– Я репортер. Обращаю внимание на детали. Говорю о том, что видел. Так или иначе, она позвонит в полдень. Можно будет определить, где она находится?

– Она воспользуется анонимным телефоном. Но может, что-нибудь получится.

– Скажи нашему диджею, что она его связывает со всем этим. По-моему, она считает, что он мошенник.

Джейн сообразила, что «диджей» – условное обозначение Дэвида Джеймса Майкла, обаятельного миллионера с тремя именами и без фамилии. Легкая неприязнь в голосе Ханнафина, когда он говорил о Майкле, видимо, была наигранной – пусть, мол, никто не думает, что я нахожусь на содержании у миллиардера.

– Прежде всего, – заметил Ларкин, – нужно поторопить нашего приятеля из АНБ. Времени до полудня – всего ничего. Не знаю, удастся ли все это повернуть.

– Если мы ее уберем, – сказал журналист, – я заслуживаю ускоренного повышения до редактора.

– Всему свой срок.

– К черту. Я хочу, чтобы меня отблагодарили.

– У меня сейчас нет времени на это.

– Рэнди, я хочу, чтобы меня отблагодарили.

– Ты забыл, что мы сделали для тебя всего год назад?

– Обещание есть обещание, а мне это обещали.

– Ты обязательно станешь боссом. А пока сиди на попе ровно.

– Можешь не сомневаться, – сказал Ханнафин и отключился.

Джейн слышала, как он ходит по спальне – видимо, уже оделся.

Кем они собирались его сделать? Редактором газеты, где он работал? Возможно, Дэвид Джеймс Майкл владел частью издания или материнской компанией, но тогда его вложения хранились в глубокой тайне.

Итак, Ханнафин оказался мелким говнюком, кормящимся из корыта Дэвида Джеймса Майкла. Еще один продажный сукин сын в продажном мире. Джейн не очень на него рассчитывала, но среди журналистов он был единственной ее надеждой.

Если бы депрессия рассматривалась как вариант, она купила бы бутылку водки, сняла бы номер в мотеле на чужое имя и ушла бы на несколько дней в самоволку, сбежав с собственной войны. Вот только Трэвису, ее прекрасному мальчику, угрожала смерть. А доброе имя ее мужа было запятнано лжесамобийством. А ее отец, знаменитый пианист, успешно гастролировал, надеясь, что дочь, от которой

он давно отказался и которая теперь скрывалась от закона, вскоре окажется в тюрьме или будет застрелена и не заставит его заплатить за то, что он сделал с ее матерью девятнадцать лет назад. На депрессию не было времени. Ни одной минуты.

Кроме того, она не испытывала ни малейшей склонности к депрессии. Депрессия – удел впавших в отчаяние людей, которые решили, что жизнь лишена смысла. Но Джейн знала, что смысла, наоборот, в избытке, что каждая минута жизни набита им под завязку и он прямо-таки выливается через край. Часть этого смысла была мучительной, как укол иголки, часть – настолько светлой, что ее жизнерадостное сердце, казалось, могло парить вместе с птицами. Правда, немалая часть самого глубинного смысла жизни, непонятная и таинственная, лежала за пределами ее понимания.

Джейн стояла у окна, наблюдала за домом в стиле «Искусств и ремесел», расположенным напротив, и думала о том, как добавить немного смысла в жизнь Лоренса Ханнафина. Пусть журналист наконец воспользуется ее даром, ясно увидит, как отвратительно жил до сих пор, получит шанс измениться в лучшую сторону, осознает свое положение в этой непостижимой Вселенной – положение таракана, который вслепую пробирается по темной канализационной трубе.

Спрятавшееся небо, словно лепестками цветов, забрасывало землю белыми хлопьями, как молодых на свадьбе забрасывают тысячами гвоздик; приятная белизна нежила ум Кору Гандерсан, облаченной во все белое; и этот лес спичек на длинных черенках из выбеленного дерева, надежно связанные пучки...

Пламя газовой зажигалки подожгло первую связку голубых головок, и та вспыхнула, точно миниатюрный факел, шипя и свистя. Кора бросила зажигалку, отъехала от тротуара и направилась вниз по Фицджеральд-авеню, к пересечению с Мейн-стрит.

Перспективу Фицджеральд-авеню замыкал старый отель «Веблен», построенный в 1886 году и с тех пор трижды отремонтировавшийся, последний раз – в прошлом году. Ресторан занимал половину цокольного этажа с большими окнами, через которые открывался чарующий вид на старомодный городской центр, усыпанный сейчас блестками снежинок.

Приблизившись к перекрестку, расположенному в одном квартале от Мейн-стрит, вверх по склону холма, Кора, держа баранку левой рукой, правой вытащила из флористической пены связку длинных, ярко горящих спичек, подожгла ими вторую связку, а потом кинула первый факел в заднюю часть

машины. Мгновенно вспыхнули спичечные головки, разбросанные среди канистр с бензином.

Распространившийся по салону запах серы не встречался в снах, где Кора гуляла среди бушующего пламени, но ее это не смутило. Новый запах, казалось, свидетельствовал о ее неуязвимости. Тоненький тихий голос посоветовал ей сделать глубокий вдох, чтобы обезопасить себя от ожогов и снова стать той, кто вызывает благоговейный трепет у зрителей.

Огонь почти мгновенно охватил коврик, лежавший в багажнике. Едкий дымок был не так приятен, как серный запах горящих спичек, но никакого вреда нанести ей, конечно, не мог.

Пока она ехала в город, пятнадцать канистр с бензином раскачивались в такт движению машины: жидкость плескалась, раскручивалась, ударялась о металлические стенки, генерировала тепло, из-за чего чуть увеличилась в объеме, поднимающиеся пары расперли пластиковые закрутки на горловинах, и те надулись, как миниатюрные шарики, а некоторые частично отделились от резинок, удерживавших их на месте. Летучие пары скапливались на внутренней поверхности ненадежных крышек, просачивались наружу сквозь крохотные зазоры, стекали по поверхности канистр. Но утечка была небольшой – одна-две унции на все канистры.

Когда машина проехала последний перекресток на Фицджеральд-авеню и стала набирать скорость, направляясь к старому отелю «Веблен», жадные язычки пламени уже располз-

лись вокруг канистр, нашли пищевую пленку и принялись пожирать ее. Кора кинула вторую связку спичек себе за спину и услышала хлопок – пламя проникло в одну из канистр, – а потом еще один. Однако каждая канистра имела два выходных отверстия, а стремительно поднимающаяся температура еще не достигла значения, при котором наступает сверхбыстрое расширение топлива. Поэтому взрыва не последовало, слышался только шелест языков пламени в заливных горловинах и носиках.

В зеркало заднего вида Кора видела, как пляшет огонь в своей калейдоскопической красоте, как пешеходы на тротуаре останавливаются, показывают на ее машину, смотрят во все глаза, ошеломленные тем, что она перешла от прогулок по огню к огненной езде. Удивление окружающих радовало ее, она смеялась, ничуть не тревожась из-за того, что воздух внезапно раскалился, – сама она по-прежнему оставалась огнеупорной. Она была и автором, и героем этой поразительной истории, и, хотя воздух вдруг стал таким сухим и жарким, что у нее мгновенно потрескались губы и ноздри, она ничего не боялась – приятный внутренний голос, приободрявший ее, вероятно, принадлежал самому Богу, который наставлял и защищал Седраха в печи. Седрах, Мисах и Авденаго⁹ выжили в царской печи, ни один волос на них не обгорел, и она точно так же выйдет из этого испытания целой

⁹ Имеется в виду библейский рассказ о трех отроках (Дан. 1: 7), брошенных в огненную печь за отказ поклониться идолу и спасенных архангелом Михаилом.

и неведимой, а люди будут с восхищением смотреть на нее. Когда пламя дошло до спинки водительского сиденья и стало лизать консоль между передними креслами, Кора Гандерсан на миг испытала жуткое ощущение – единственный сбой в триумфальной череде событий. Она увидела собаку на поводке, стоявшую с хозяином на тротуаре. Хотя это был золотистый ретривер, а не длинношерстная такса, она вспомнила о Дикси-Бель, сидящей в одиночестве, ее пронзила безмерная тоска по маленькой Дикси, разум на мгновение просветлел, и она осознала весь ужас происходящего. Но тоненький внутренний голос одобрительно зашептал, прогнав ужас и вызвав прилив радости, и Кора вскрикнула в экстазе, когда языки пламени перекинулись на подол ее платья.

Заднее стекло лопнуло от жара, бóльшая часть дыма вылетела наружу, пламя на консоли метнулось назад, вплетая яркие перья в кудрявые волосы Кору, которая вдавила в пол педаль газа. С живостью непокорной героини в этом лучшем из рассказов, написанных ею, она испустила победный крик, вырвавшись на перекресток.

Мчась под суровым, белее бельма на глазу небом, сквозь Ниагару падающего снега, белый «экспедишн» рассекал потоки машин. И вот она в белом, точно как во сне, платье, единственном, в котором она за всю свою жизнь чувствовала себя хоть чуточку красивой, проломила стену ресторана. Огромные окна разбились, тысячи осколков полетели на посетителей, на столики, стулья и тарелки, люди метнулись в

сторону, испуганные ее величественным появлением. Затем начались взрывы, выпустившие наконец Кору Гандерсан из этого мира, машина остановилась, и струи горящего бензина хлынули в просторный зал – угроза, против которой была бессильна даже группа охраны из шести человек; пламя поглотило их и губернатора, приехавшего из столицы, чтобы отпраздновать открытие отеля после ремонта.

Джейн держала анонимный телефон под рукой. Она по-прежнему слышала все, что говорил Ханнафин, если тот находился в одном из четырех помещений, где были установлены передатчики.

В главной спальне пустого дома она сняла светлый парик и сунула его в пластиковый пакет, который положила в большую сумку. Ханнафин был прав, считая, что она теперь не блондинка и не брюнетка. Каштановые волосы больше не были прямыми, с торчащими вихрами, став выющимися ровно настолько, чтобы обмануть смотрящие на нее глаза. Теперь ее лицо, на взгляд постороннего, не было похоже на размещенные в Интернете фотографии одного из наиболее опасных преступников в стране.

В прежней жизни, до того как пуститься в бега, Джейн почти не пользовалась косметикой, не видя в ней надобности. Но сейчас тональный крем, консилер, тени для глаз и губная помада могли образовать некое подобие маски, дававшей ощущение безопасности – пожалуй, преувеличенное. Сегодня она решила обойтись без косметики. Она взяла бейсболку и вытащила из сумки очки в роговой оправе с простыми стеклами, предмет театрального реквизита, который она собиралась использовать, покидая это место.

Затем она вновь встала у окна в спальне, желая послу-

шать, что скажет Рэндал Ларкин, когда позвонит Ханнафину, и вспоминая подробности предыдущего разговора между ними. Больше всего ее заинтересовали две фразы:

«Нужно поторопить нашего приятеля из АНБ. Времени до полудня – всего ничего».

АНБ – вероятно, Агентство национальной безопасности. Мозговые наноимплантаты покойного Бертольда Шеннека стали предметом вожделения для множества опьяневших от власти негодяев. Поэтому Шеннеку и Дэвиду Джеймсу Майклу удалось сплести заговор с участием бизнесменов и правительственных чиновников, которые совместными усилиями склонили на свою сторону высокопоставленных чиновников ФБР, Министерства внутренней безопасности, Министерства юстиции и Агентства национальной безопасности. И это было лишь началом. Здравый смысл подсказывал, что в ЦРУ, налоговом управлении, а также, возможно, во всех государственных ведомствах, вплоть до самого верха, и органах законодательной власти должны иметься безумные поклонники тоталитарной утопии. А может, они уже составляли там большинство.

Из всех федеральных министерств и агентств, связанных с охраной правопорядка и национальной безопасностью, АНБ было, вероятно, самым засекреченным и мощным. Информационный центр АНБ в Юте, помещения которого занимали миллион квадратных футов, мог выловить и сохранить любой телефонный разговор, текстовое послание и дру-

гую цифровую информацию, которая передается по воздуху, чтобы провести метаинформационный анализ данных на предмет выявления террористической активности и других угроз национальной безопасности.

АНБ не читало текстовые послания и не прослушивало телефонные разговоры в реальном времени. И даже впоследствии его сотрудники анализировали лишь крохотную часть той информации, на которую указывала аналитическая просмотревая программа. Если у Ларкина и его сообщников в АНБ есть человек, занимающий достаточно высокое положение, чтобы помочь идентифицировать сигнал анонимного телефона Джейн и ее местонахождение, пока она разговаривает с Лоренсом Ханнафином, это означает, что программа «мгновенная реакция», о которой ходили слухи, уже запущена.

Еще четыре года назад в Бюро поговаривали, что у АНБ в крупнейших городах имеются специальные самолеты-разведчики, готовые подняться в воздух через считанные минуты после получения приказа. Даже при полете на небольшой высоте они сканировали пространство в радиусе пятидесяти миль и могли вылавливать из моря информации сигналы сотовой связи. Оператор на борту самолета будто бы имел возможность настраивать аналитическую сканирующую программу для выявления слов, относящихся к конкретной ситуации – например, имен террористов, объявленных в розыск, или имени человека, на которого собираются

совершить покушение террористы.

В данном случае, зная номера Ханнафина, мобильный и стационарный, операторы смогут заранее поставить эти телефоны под наблюдение в ожидании входящего звонка Джейн и затем выявить местонахождение ее анонимного аппарата независимо от того, сидит она на скамейке в парке или едет в машине.

Впрочем, это не имело значения. Джейн теперь знала, что Лоренса Ханнафина нельзя назвать честным журналистом. Она не станет звонить ему в полдень.

Но благодаря Ханнафину она выяснила, что адвокат Ларкин является пособником Дэвида Джеймса Майкла и, может быть, даже входит в ближний круг миллионера. Ларкин был свежей наводкой. Источником.

Если не удастся найти журналиста, который опубликует ее историю, придется заняться Д. Д. Майклом. Человека с такими финансовыми ресурсами нелегко загнать в угол. Он наверняка обеспечил себе самую надежную охрану. Основатель «Фейсбука» Марк Цукерберг постоянно имел при себе шестнадцать хорошо вооруженных телохранителей, о чем Джейн знала из надежного источника. У Д. Д. Майкла, скорее всего, их было далеко не шестнадцать.

Тот и другой располагали примерно одинаковыми состояниями, но Майклу приходилось скрывать гораздо больше. Он знал, что Джейн уже добралась до Бертольда Шеннека и адвоката Уильяма Овертона, его ближайших сообщников.

Теперь они убиты. И хотя все правоохранительные органы страны искали ее, пока что ей удавалось оставаться на свободе и выслеживать тех, кого нужно.

Во время телефонного разговора Рэндала Ларкина с Ханнафином была сказана еще одна любопытная фраза. Джейн пока не могла ее истолковать, но не сомневалась, что правильно поняла смысл. Журналист нажимал на адвоката, требуя повышения до редактора, и объявил, что заслуживает благодарности за то, что предоставляет им информацию о Джейн. Ларкин ответил уклончиво:

«Ты забыл, что мы сделали для тебя в прошлом году?»

Сакура, с которой Ханнафин состоял в браке на протяжении семнадцати лет, умерла год назад. Подробности Джейн не знала, только то, что женщина ушла из жизни после какой-то болезни.

Ханнафин находился далеко от жены, когда это случилось, – был в командировке.

Имея таких друзей, как Рэндал Ларкин и Д. Д. Майкл, он мог не рисковать и не пятнать своих рук кровью.

Несколько минут передатчики, стоявшие в доме Ханнафина, транслировали только тишину. Потом Джейн услышала позвякивание посуды и столовых приборов, какое-то дребезжание – возможно, на газовую плиту поставили сковородку. По всей видимости, Ханнафин готовил завтрак. Заурчала кофемашина, стоявшая у настенного телефона: отчетливый булькающий звук подтверждал, что журналист находится на кухне.

Машин на улице стало меньше. Дети ушли в школу, родители уехали на работу.

Небо над Лос-Анджелесом и его пригородами редко было таким зловещим, как в этот день, складчатые тучи превращали серую массу в переплетение черных жил. В Виргинии, где она жила с Ником и где родился Трэвис, грозы обычно происходили на эффектном фоне, но здесь даже дурная погода была сдержанной, молнии и громы случались редко.

Примерно через пять минут после прихода журналиста на кухню и через двадцать после того, как Ларкин прервал разговор, адвокат перезвонил ему. Смартфон Ханнафина выдал несколько тактов песни Элтона Джона «Don't Let the Sun Go Down on Me»¹⁰.

– Да? – ответил он.

¹⁰ «Не позволяй солнцу уйти для меня» (англ.).

– Они уже в воздухе и прослушивают частоты, – сказал Рэндал Ларкин. – Готовы к ее звонку.

– А когда ее найдут? Что потом?

– Мы предполагаем, что в момент звонка она будет находиться в твоём районе. Минут через двадцать в разных местах припаркуются шесть наземных групп, в радиусе двадцати миль от тебя.

– А что с погодой?

– Ты опять по громкой говоришь? Мне это действует на нервы.

– Не замочи штаны. Мне нужны свободные руки. Я тут готовлю завтрак. А на столе лежит кое-что, на всякий случай.

– Кое-что? Что именно?

– Ствол... пистолет. Если она захочет снова застать меня врасплох, я всажу ей пулю между сисек.

– Она позвонит, как обещала. И не станет возвращаться, пока не убедится, что ты готов помогать.

– От нее можно ожидать чего угодно. Непредсказуема, как землетрясение. Так что с погодой?

– А что с погодой? – переспросил Ларкин.

– Если начнется гроза, самолет придется сажать?

– Нет-нет. Только при очень сильном ветре, но его не ожидается. Когда она позвонит, говори как можно дольше, делай вид, что колеблешься, но склоняешься в ее сторону. Попробуй ее заманить.

– Если она почувствует, что я ее охмуряю, то сразу все

поймет и отключится. Темперамент и глупость обычно идут рука об руку, но не в этом случае.

– Ты же журналист, значит – мастер врать. Воспользуйся своим даром. Что у тебя за шум?

– Взбиваю яйца для омлета.

– То есть вдовство – это не только розы?

– Лучше уж так. Эта сука кого угодно отвадит от женщин до конца жизни.

– Прекрати истерику и, когда она позвонит, будь в порядке. Что бы ты ни думал о своих актерских способностях, она сразу почувствует напряжение в твоём голосе.

– Обо мне не беспокойся. Когда ребята из наземных групп ее найдут, пусть сразу вырубят. И как следует.

– А ты подольше с ней говори, – велел Ларкин. – И не сожги тост.

Адвокат отключился, и Ханнафин, думая, что его никто не слышит, сказал:

– Отсоси, адвокатишка.

С сумкой в руке, в роговых очках, с каштановыми волосами, которые выбивались из-под бейсболки, Джейн пошла на юг под небом, покрытым тучами и обещавшим грозу. Но дождь все никак не мог начаться, хотя ветер разгулялся. Пальмовые листья с острыми кромками шелестели, стучаясь друг о друга; если порывы станут еще сильнее, шелест перейдет в громыхание.

Проходя мимо решетки люка, Джейн бросила туда анонимный телефон и подождала, пока тот не плюхнулся в темноту, откуда воняло дохлыми крысами. Сразу после этого она зашагала дальше и через полтора квартала свернула на восток. Ее черный «форд-эскейп» стоял под плакучими кружевными ветвями перечного дерева.

Эту машину угнали в Штатах, порядком оттюнинговали в мексиканском Ногалесе, выбили новый номер на двигателе, перекрасили и продали нелицензированному торговцу авто-старьем в другом Ногалесе, американском, штат Аризона. Торговец занимал несколько ничем не примечательных сараев бывшего лошадиного ранчо и не принимал ни чеков, ни банковских карточек, а также не продавал ничего в кредит. Джейн заплатила ему немалую сумму наличными деньгами, которые отобрала у плохих людей в Нью-Мексико. Навигатор и транспондер-идентификатор с машины сняли, и отсле-

дить ее со спутника было невозможно.

Теперь у Джейн больше не было дел в долине Сан-Габриэль, если не считать Ханнафина. Она не сможет уделить ему серьезного внимания, пока ловит рыбу покрупнее. Но он был одним из «Них», членом сообщества социопатов, которое создали Д. Д. Майкл и покойный Бертольд Шеннек, основатели этой сети, так что она заставит его заплатить за это – и как можно скорее.

Она поехала на запад, в долину Сан-Фернандо, где признаки кризиса были заметнее, чем в Сан-Габриэле. Упадок наблюдался не во всех городах и нередко выглядел как благородный налет патины. Но кое-где он был кричащим, порождая выразительную картину гниения и отчаяния – свидетельство порчи, которая разъедала страну.

Джейн остановилась у кулинарного магазина в районе, еще не тронутым разложением, и заказала ланч навынос, полагая, что ее не смогут опознать не столько из-за новой прически и бутафорских очков, сколько из-за поведения, которое никак не наводило на мысль о разыскиваемой преступнице. Она не опускала голову, не натягивала козырек бейсболки на лоб, не прятала глаза, а, напротив, улыбалась каждому во весь рот, заговорила с парнем из магазина, потом наклонилась и весело поболтала с маленькой девочкой, чья мать ждала, когда примут ее заказ. Ник родился и вырос в Техасе, и Джейн общалась с его родителями достаточно долго, чтобы научиться подражать тягучему тexasскому произ-

ношению. Теперь ее голос ничем не напоминал голос женщины в фэбээровских видеороликах, которые крутили во время новостей.

Она ела, сидя в машине, когда три молнии, одна за другой, рассекли небо. Деревья, дома, проезжающие мимо автомобили, казалось, вздрогнули на освещенной вспышками улице, а потом раздался такой грохот, словно мантия земли треснула под воздействием непомерной силы, направленной наружу. Хлынул настоящий тропический ливень. Мир за окнами «форда» помутнел, и Джейн порадовалась тому, что теперь никто не сможет ее видеть.

Гномы со страдальческим видом мокли под дождем. Одноэтажный дом в стиле «ранчо» в Резеде имел ухоженный вид. На воротах, по обе стороны которых тянулась ограда из штакетника, висела зеленая табличка. Надпись, сделанная причудливыми белыми буквами, гласила: «ДОМ БАБУШКИ И ДЕДУШКИ». Во дворе обитали шесть гномов: трое задумчивых и трое замерших посреди танца. Еще во дворе имелись поилка для птиц и ветряная мельница высотой в четыре фута. Над входной дверью висел призыв: «БЛАГОСЛОВИ ЭТОТ ДОМ».

Все это было враньем, уловкой со стороны хозяев. Будь у этих людей внуки, они, вероятно, съели бы их.

Согласно документам, хранившимся в бюро регистрации собственности, домом владели Джон и Джуди Уайт, и они действительно жили здесь, но называли себя Питом и Лоис Джонс. Один Господь знал их настоящие имена, а возможно, не знал и Он.

Эти «беженцы из Сирии», которые, вполне вероятно, не были сирийцами, въехали в США по подложным документам, впоследствии уничтоженным. Предположительно они жили в Бостоне на деньги родственников, но этих родственников не существовало, хотя Бостон был реальностью.

Войдя на крытую веранду, Джейн сложила зонтик, при-

слонила его к цветочному вазону и нажала кнопку звонка. Дверь открыла Лоис, черноволосая пухленькая женщина. Розовый спортивный костюм в обтяжку, зеленый лак на ногтях, шесть колец с бриллиантами размером с виноградину, темные глаза, острый взгляд, которым можно разделять рыбу. Она говорила, не вынимая изо рта сигарету, прилипшую к нижней губе, скорее с восточноевропейским, чем с ближневосточным акцентом.

– Вы пришли раньше времени, – заметила женщина.

– Мне предстоит много работы. Я подумала, что мой заказ готов.

– Вы промокли.

– Дождь идет. Извините.

– Ничего, дорогая. Входите.

Дом пропах сигаретным дымом.

– Садитесь-садитесь, – сказала Лоис. – Я поговорю с Питом.

На голубом диване лежал толстый белый кот. Он посмотрел на незнакомку своими змеиными глазами цвета яичного желтка. Джейн устроилась на краешке удобного кресла.

Интерьер совсем не соответствовал наружной отделке дома, вызывавшем в памяти картины Нормана Роквелла, но и в этом не было ничего необычного, пока вы не зашли в большую комнату в задней части дома. Там, куря одну сигарету за другой, орудовал Пит, пользуясь старинными печатными станками, лазерными принтерами, ламинаторами и прочим

оборудованием, которое позволяло изготавливать разнообразные поддельные документы, безукоризненные с виду.

Эту парочку рекомендовал Энрике де Сото, подпольный автодилер из Ногалеса, продавший ей «форд-эскейп». Джейн знала Энрике еще по работе в Бюро, наткнувшись на него во время поисков серийного убийцы по имени Маркус Пол Хедсман, который считал необходимым заниматься коллекционированием голов в соответствии со своей фамилией¹¹. Хедсман украл одну из угнанных машин Энрике (акт уличного правосудия в обществе, которое с каждым годом было все меньше готово предоставлять людям реальное правосудие), а после ареста надеялся получить поблажку, сдав дилера угнанных машин.

Преступников гораздо больше, чем хороших ребят, которые их отлавливают. Копы всех разновидностей вынуждены ранжировать свои планы по важности, как врачи скорой помощи в кризисной ситуации, когда поступает слишком много раненых. Как часто происходит – гораздо чаще, чем может показаться, – полицейские, которые получили наводку на Энрике, были сродни загнанным лошадям: они испытывали нехватку сил и средств и гонялись за более крупной дичью. Его дело отложили в ящик с надписью «Когда замерзнет ад» или что-то вроде этого. Там бумага пожелтеет и обтреплется, а лет через десять-двадцать ее выкинут, чтобы освободить место для новых папок с делами, на которые нет вре-

¹¹ Headsman – человек-голова (англ.).

мени.

Джейн побывала у Лоис и Пита двумя днями ранее и получила пять высококачественных париков разных цветов и стилей, набор безрецептных контактных линз, менявших цвет глаз, и фотографии для новой партии водительских прав.

Появился второй белый кот и зашипел на Джейн, выгнув спину; глаза у него были зелеными, такого оттенка, который вполне подошел бы для варева в ведьминском котле.

Джейн встала с удобного кресла, куда тут же запрыгнул кот, и переместилась в кожаное, изрядно потрепанное. У нее уже имелся набор поддельных водительских прав, но все они теперь оказались бесполезными. Права были выписаны на разные имена и в разных штатах, но везде Джейн была изображена в том виде, в каком ее показали на экранах телевизоров по всей стране.

Вернувшись, Лоис принесла небольшой конверт и пластиковый пакет с пятью париками: каждый соответствовал определенному снимку. Джейн вытащила из конверта ламинированные документы и просмотрела их. Шесть штук. На разные имена. На одной фотографии она была со своей нынешней прической, на пяти других – в париках.

Пит знал, что снимки, сделанные с помощью дрянных камер отделов регистрации автомобилей, почти никогда не передают в точности облик человека и совсем не претендуют на гламурность. Он воспроизвел резкое освещение, обычно применявшееся в этих отделах, а Джейн сделала так, чтобы

вид у нее был не слишком дурацкий, но с сумасшедшинкой. Посмотрев на снимок, никто бы не сказал, что перед ним агент ФБР; к тому же неотчетливость изображений позволяла ей приукрашивать или уродовать себя в зависимости от ситуации, оставаясь похожей на женщину с фотографии.

Но главное, Пит сотрудничал с черным хакером высочайшего уровня, способным взломать компьютерную систему любого регистрационного отдела и вставить в нее самодельную картинку. Любой полицейский, остановивший Джейн за превышение скорости или по другой причине, не усомнится в подлинности этой картинки.

Джейн заплатила авансом и теперь, вкладывая шесть прав в конверт, сказала:

– Права стоят своих денег, но за парики вы дерете не побожески.

Лоис выпустила колечко дыма:

– Это хороший бизнес – продавать сопутствующий товар с неприличной наценкой. Мы никому не даем скидок, дорогая.

Джейн с удовольствием арестовала бы эту парочку, если бы у нее были нужные полномочия и ей не требовалась их помощь, чтобы оставаться в живых и на свободе.

– Долго добирались из Сирии, да? – спросила она.

– Сирия – это помойка. Всего доброго.

К шести тридцати вечера четверга, пять часов спустя после атаки, снегопад начал уменьшаться, включилось уличное освещение. Из полуразрушенного и выгоревшего отеля «Веблен» в свете аварийных прожекторов поднимался дым: сначала он был густым и черным, теперь – белым и редким, что наводило на мысль о неземных существах, духах, поднимающихся к небесам из этого места огненной смерти. Снежинки, под конец ставшие крупнее, падали, кружась с торжественным изяществом цветочных лепестков, брошенных в могилу скорбящими родственниками.

Шериф Лютер Тиллмен, сунув руки в карманы стеганой утепленной куртки, стоял на углу Фицджеральд-авеню и Мейн-стрит, через улицу от руин. Время от времени ритм и скорость его дыхания – клубы пара на морозе заставляли вспомнить об огнедышащем драконе – менялись в соответствии с настроением: ярость, печаль, снова ярость. Он радовался, что соседние здания пострадали меньше, чем можно было ожидать, но это было слабым утешением, с учетом масштабов катастрофы. Пока что насчитывалось сорок два погибших, включая губернатора и местного конгрессмена, но это число наверняка увеличилось бы с началом разбора завалов.

Тиллмен был удручен из-за того, что его оттерли в сто-

рону: сначала полиция штата, потом, в более агрессивной манере, агенты ФБР из миннеаполисского отделения и совсем недавно – специалисты Бюро, прилетевшие из Куантико: в основном они представляли Первый отдел поведенческого анализа, который занимался терроризмом, поджогами и взрывами. Тиллмен не возмущался. Они обладали нужными знаниями и ресурсами для такого тщательного расследования, которое не мог произвести ни один окружной шериф. А поскольку среди жертв оказался конгрессмен, это было преступление федерального значения. И все же несчастье произошло в юрисдикции Тиллмена, многие из погибших были его друзьями или соседями. У него болело за них сердце, и к тому же скорбь усугублялась от ощущения собственной бесполезности.

Несмотря на холод и скверный запах дыма, который то ослабевал, то усиливался, в зависимости от капризов вечернего ветерка, горожане собрались поблизости – посмотреть на происходящее и отдать дань памяти погибшим. Помощники Лютера мягко просили отойти каждого, кто подходил слишком близко, и терпеливо утешали тех, кто беспокоился о судьбе близких. Но больше они не могли сделать почти ничего – здесь верховодили федералы.

Жители округа любили Тиллмена. В пятьдесят один год он оставался прямым, как фонарный столб, при росте шесть футов три дюйма, некогда считался школьной футбольной звездой и был черным, хотя в Миннесоте менее пяти процен-

тов жителей могли похвастаться африканскими корнями. Он гордился тем, что его четыре раза выбирали окружным шерифом. Но эта гордость не переходила в гордыню благодаря смирению и чувству ответственности перед людьми, доверившими ему эту работу.

Кроме того, Ребекка, жена Тиллмена, с которой он жил уже двадцать шесть лет, умела выявлять растущее высокомерие на ранней стадии и ставила мужа на место при помощи взгляда или ласковых слов. Он старался не забывать, что его действия отражаются на Ребекке и на двоих детях Тиллменов. Это усиливало его раздражение: представители вышестоящих инстанций оттерли его от расследования, а местные жители не без основания ожидали, что шериф примет в нем активное участие.

Его беспокоило, что все слишком быстро свелось к единственному следу: Кора Гандерсан. Он знал ее двадцать лет. Кора не была способна на такое ужасающее преступление.

И все же каждый человек – загадка; разум каждого из нас – лабиринт коридоров и тайных комнат. Мы не знаем других людей по-настоящему и не подозреваем, на что они способны. Кроме нашего супруга. Да и то не всегда.

Кора творила чудеса, когда дело касалось детей с особенностями развития, и никто не мог сказать о ней ничего плохого. Лютеру очень не хотелось думать, что в ее сердце поселились злоба или безумие, но он слишком долго был копом, чтобы отметать такую вероятность.

От ее машины почти ничего не осталось – искореженная масса стали и расплавленного стеклопластика. Еще меньше осталось от самой Кору, так что личность можно было установить только по ДНК. Многочисленные свидетели, хорошо ее знавшие, были готовы подтвердить, что она сидела за рулем горящего «форда» и вроде бы смеялась, когда машина стала набирать скорость, что в салоне не было никого, кроме нее.

Ее дом в сельской местности сейчас обыскивали сотрудники ФБР. Лютер мог только наблюдать за всем этим... и ощущать свою бесполезность.

В 6:42, когда Тиллмен пересек улицу, чтобы поговорить с местным начальником пожарной службы (скорее для того, чтобы сделать хоть что-то, а не с целью получить важную информацию), позвонил его телефон. Это был Роб Стассен, которого Лютер отправил на помощь федералам, работавшим в доме Кору.

– Шериф, если вы не очень заняты, приезжайте сюда.

– Сейчас разница между мной и медведем в спячке только в том, что у меня нет берлоги. Что там?

– Ничего. Просто они уехали.

– Кто «они»?

– ФБР.

Федералы оборудовали центр быстрого реагирования в библиотеке на Мейн-стрит, в полуквартале от отеля «Веблен». Оттуда в 3:30 к дому Кору Гандерсан выехала бригада

да из четырех человек. В 4:30 за ними последовали еще два специальных агента с грузом оборудования – из тех, что прибыли позднее из Куантико.

Дом не был местом преступления, но предполагалось, что именно там производили его планирование и подготовку. Беглое прочесывание окрестностей должно было продлиться как минимум до полуночи, учитывая важность дела.

Лютер посмотрел на свои ботинки, покрытые снежной коркой, пошевелил замерзающими пальцами, отвернулся от начальника пожарной службы и спросил, понизив голос:

– Они сказали, когда вернутся?

– Думаю, они не вернутся, – ответил Роб Стассен.

Интуиция Лютера подсказывала ему – в течение какого-то времени, – что с отдельными федеральными агентами не все в порядке. Некоторые казались невозмутимыми, отстраненными от окружающего ужаса до такой степени, что это тревожило шерифа. Да, конечно, следователи, первыми приезжающие на место происшествия, должны оставаться собранными, подавлять собственные эмоции. Но даже самые опытные профессионалы, закаленные жестоким опытом, не могли оставаться спокойными при виде всего этого, и, хотя никто не ждал от них ни слов соболезнования, ни слез сочувствия, их переживания не могли не отражаться на лице. Как минимум четверо из них выказывали полное безразличие, словно не были способны проявить обычное человеческое сочувствие при виде сваленных в кучу, искалеченных взры-

вом, обуглившихся, переломанных, безжизненных тел.

– Я здесь один, – сказал Стассен. – Этот дом вызывает какое-то странное чувство, шериф. Лучше вам самому приехать и посмотреть.

В библиотеке под конец дня наступила тишина. Ряды потолочных ламп горели через один – возможно, в целях экономии, – и высокие окна со множеством стекол были лишь слегка подсвечены серым мерцанием дня, умытого дождем.

Полок, уставленных книгами, было меньше, чем прежде: пришлось высвободить место для DVD-проигрывателей и детского уголка. Кроме того, в конце большого главного зала стояли несколько компьютеров.

Смартфоны, электронные планшеты и ноутбуки имели уникальные идентификаторы, и власти могли определять их местонахождение в реальном времени. Поэтому, пустившись в бега и покинув систему, Джейн Хок стала использовать библиотечные компьютеры и выходила в Интернет инкогнито. Тем не менее, если ее поисковые задания содержали определенные фамилии, названия или понятия (Дэвид Джеймс Майкл, компания «Далекие горизонты», наномашины, мозговые имплантаты и прочая), это могло привести в действие тревожную сигнализацию на веб-сайтах, где обитали ее враги, и инициировать их поисковые программы. По этой причине она сводила к минимуму продолжительность своих поисков.

Сейчас за компьютерами не было никого, кроме нее. Джейн надеялась на то, что никто не придет, пока она не за-

кончит работу.

Ее интересовали две темы. Первая – адвокат Рэндал Ларкин. Когда она не позвонила в полдень Лоренсу Ханнафину, эти люди, вероятно, решили, что после разговора с журналистом она сочла его не заслуживающим доверия. Они не могли знать, что Джейн прослушала беседу Ханнафина с Ларкином.

Бутафорские очки со стеклами стали выводить ее из себя – она в жизни не надевала ничего такого. Ее раздражали подушечки, давившие на нос. Оконечник правой дужки натирал кожу за ухом. Хотелось, чтобы поскорее настала ночь: тогда можно будет наконец снять это.

Юридическая фирма «Вудбайн, Кравиц, Ларкин и Бенедетто» размещалась в доме на бульваре Литтл-Санта-Моника, в Беверли-Хиллз. Ссылок на Рэндала Ларкина было много. Джейн прошла по некоторым из них, занесла данные в свой маленький блокнот и вскоре имела все, что ей требовалось.

Прежде чем перейти ко второй теме, она осмотрела комнату, желая убедиться, что ее никто не видит, сняла очки и помассировала вмятинки на переносице. Когда Джейн открыла глаза и снова надела очки, футах в пятнадцати от нее, в конце прохода между полками, стояла, глядя на нее со слегка удивленным видом, женщина лет тридцати пяти, в туфлях на резиновой подошве, коричневой юбке и белой блузке. Она катила перед собой тележку с книгами, чтобы поставить

их на место.

Джейн улыбнулась, женщина сделала то же самое, и Джейн вновь устремила взгляд на монитор, демонстрируя безмятежность. Она держала библиотекаршу в поле зрения, пытаясь как можно быстрее отыскать сведения о смерти Сакуры Ханнафин годом ранее, и вскоре нашла нужную информацию.

– Извините, – сказала библиотекарша и подошла поближе; тележка теперь была пуста. – Мы наверняка встречались, но не могу припомнить, где именно.

Джейн ответила с техасским акцентом:

– Черт подери, и у меня возникло то же чувство, когда я увидела вас. Когда-нибудь жили в Техасе?

– Нет. Только в Калифорнии.

– Я остановилась у подружки на Оукдейл-авеню, в паре кварталов от Сатикоя, пока не найду себе жилья. Знаете, где это?

– В Уиннетке?

– Ну да.

Библиотекарша отрицательно покачала головой:

– Я живу в Канога-парке.

– Неподалеку. Может, мы даже берем продукты в одном магазине.

– Нет, я покупаюсь в других местах.

Джейн нахмурилась и пожала плечами:

– Слушайте, а может, мы знаем друг друга по прошлой

жизни?

– Меня всегда тянуло в Древний Египет, к фараонам, сфинксам, всякому такому. Так, будто я жила там.

– Ха, может, это оно и есть, подружка! Я, ты и Тутанхамон. Они обменялись улыбками, и Джейн снова перевела взгляд на экран, делая вид, что не закончила свою работу.

Библиотекарша поплыла прочь, катя перед собой пустую тележку, и, возможно, оглянулась один раз. Джейн следила за ней лишь краем глаза.

Как только женщина, направлявшаяся к столу заказов, исчезла среди лабиринта стеллажей, Джейн выключила компьютер и схватила свою большую сумку и зонт. Выходить через главную дверь она не хотела и поэтому быстрым шагом направилась к двери с многообещающей надписью: «ТУА-ЛЕТЫ».

За ней был коридор; забранные решетками светильники на потолке расчерчивали квадратами света бледно-голубой виниловый пол. В конце коридора Джейн увидела дверь со светящимся красным указателем: «ВЫХОД». Выйдя под дождь, она увидела небольшую парковку, вероятно предназначенную для работников библиотеки.

Свой «форд» Джейн припарковала в двух кварталах отсюда, в жилой зоне. Она никогда не ставила машину возле библиотеки, в которой вела свои поиски. Если они узнают, как выглядит ее автомобиль, придется бросить «форд», угнать машину и катить в Ногалес, штат Аризона, к Энрике де Со-

то, чтобы поменять свое приобретение на что-нибудь другое. Но ее искали все черти ада или их приспешники, и времени на поездку в Ногалес не было.

Не останавливаясь, она открыла зонт и быстро пошла между двумя припаркованными машинами, так, что брызги летели у нее из-под ног. В этот момент раздался голос:

– Эй, вы!

Она повернула голову и увидела человека в форме. Не полицейской. Зелено-черная форма. Пистолет на бедре. Возможно, охранник. Неужели библиотеки теперь держат вооруженных охранников? Наверное, да, черт побери, ведь нынче ими обзаводились даже церкви.

В дальней стороне проулка располагались несколько магазинов и ресторанов. Джейн спешила мимо задних дверей этих заведений и мусорных бачков. Охранник окликал ее. Он ее преследовал.

Новые слои снега ложились на старые, белые холмики вздымались над дремотной равниной, словно под ними кто-то спал и видел сны. Белые, как кость, украшенные по-зимнему деревья: черная рябина, клены, тополя, сосны и ели, ветви, покрытые снежными наносами, скорее белые, чем черные, и совсем не зеленые в вечернем мраке – монохромный пейзаж, освещенный призрачным светом от заснеженных полей.

Лютер Тиллмен, сидевший один в служебном джипе, ехал к границе округа. С каждой милей в нем крепло убеждение, что массовое убийство в отеле «Веблен» было не делом рук безумного маньяка-одиночки, а началом чего-то. Удовлетворенность и многие радости его благословенной жизни держались на тонкой нити.

Окна одноэтажного, обитого белым сайдингом дома Кори Гандерсан, уснувшего в пеленах поздней зимы, были темны. Поэтому Лютер не увидел дом сразу – тот появлялся постепенно, вырисовываясь в свете фар. Лютер свернул на нерасчищенную подъездную дорожку, обогнул дом, припарковался за джипом Роба Стассена, выключил фары и заглушил двигатель.

Роб вышел и захлопнул дверь своей машины. Из ее выхлопной трубы вылетел и тут же кристаллизовался дымок.

Лютер подошел к своему помощнику. В этот момент длинношерстная такса Кора запрыгнула на водительское сиденье джипа и, приняв важный вид, заинтересованно посмотрела в боковое окно.

– Дикси ничего не ест, – сказал шериф.

– Я думал об этом. – Робу исполнилось тридцать шесть, он десять лет прослужил в военно-морской полиции, потом решил, что навидался иностранных портов, и вернулся домой, чтобы поддерживать общественный порядок. – Я нашел корм. Пришлось ее уговаривать. Но все равно она съела совсем немного. Дрожит и повизгивает, бедняжка. Словно все знает.

– Собаки все знают, – согласился Лютер.

– Не могу поверить, чтобы Кора... Учитель года Миннесоты. Голова кругом идет.

Скрипя по снегу, Лютер направился к заднему крыльцу.

– Так или иначе, сегодняшняя Кора совсем не та, которую мы знали, – бросил он на ходу.

– Вы имеете в виду опухоль мозга или что-нибудь вроде этого?

– Мы этого никогда не узнаем. От нее осталось слишком мало, аутопсию не провести.

Ступеньки крыльца были очищены от снега. Поднявшись, Лютер сказал:

– Никакого полицейского оповещения? Никакой ленты?

– Поначалу они все делали более-менее по правилам, но

потом появился этот тип, Хендриксон. Тогда они сбежали отсюда, поджав хвосты.

– Что еще за Хендриксон?

– Бут Хендриксон из Министерства юстиции. Он, видать, щелкнул бичом, только непонятно почему.

ФБР было полунезависимым агентством, подчинявшимся Министерству юстиции.

– Ты видел его карточку? – спросил Лютер.

– Сказал, что они у него кончились. Может, и так. По мне, слишком уж он образованный – сплошной Гарвард-Йель. Но удостоверение из министерства вполне себе настоящее, да и специалисты из Куантико его знают.

– И что он им сказал? Почему отстранил?

– Он со мной не делился, шериф. Для Хендриксона я всего лишь сельский коп. Дом заперт. Ключ он взял. Если вы думаете, что нам надо посмотреть, придется взламывать дверь. Или найти незапертое окно.

– Кора прятала ключ на тот случай, если выйдет во двор, а дверь захлопнется.

Он поднял метлу с длинной ручкой, стоявшую у стены, и соскреб снег с ботинок.

– Они там уже наследили, сэр.

– Не стоит добавлять, Робби.

Роб Стассен тоже воспользовался метлой, а Лютер тем временем нашел ключ на косяке над дверью, отпер замок и включил свет.

На кухне – полный разгром. Растаявший снег на линолеуме. Неполные грязные отпечатки подошв, частично перебивающиеся: что-то вроде старой карикатуры, высмеивающей абстракционистов. Дверцы шкафов распахнуты. Содержимое мусорного ведра вывернуто на пол, изучено и оставлено в таком виде.

На столе, на дверце холодильника, на шкафах – черный дактилоскопический порошок. Они искали отпечатки, не принадлежащие Коре, на тот случай, если у нее были сообщники. Чтобы не оставлять следов собственных пальцев, криминалисты работали в нитриловых перчатках, которые побросали на пол или оставили на столах.

– Это похоже на работу ФБР, как ты ее себе представляешь?

– Да они просто разорили место преступления, шериф. В кино ФБР не так работает.

– Может, они уже давно так не работают. Они собирали улики или уничтожали их?

– Господи Иисусе, что я слышу?

Лютер остановился у стола и посмотрел на толстую тетрадь на спирали, оставленную открытой.

– Это тетрадь Кору. Ни у одного известного мне человека нет даже наполовину такого аккуратного почерка, как у нее.

– Точно лист из принтера, – заметил Роб.

Для этой записи Кора использовала только лицевую сторону листа, а оборотную оставила чистой. Справа вверху она

написала: «Иногда по ночам, иногда по ночам, иногда по ночам...» – словно сидела в отрешенном состоянии и ее мозг заело, как иглу на пластинке старинного патефона. Эти три слова заполняли все строки.

Лютер перевернул страницу, потом вторую, третью, четвертую, пятую – одно и то же. Наконец он дошел до места, где Кора продолжила мысль, которую изо всех сил пыталась выразить: «Иногда по ночам я просыпаюсь, я просыпаюсь, я просыпаюсь...»

На шести страницах стояли только последние четыре слова, повторявшиеся с пугающей регулярностью. Новые слова Лютер обнаружил лишь через восемь страниц. Роб Стассен, стоявший рядом с ним, проговорил:

– У меня кровь стынет в жилах.

Сумерки быстро сгущались в сером небе, темные тучи истратили весь свой запас фейерверков, хмурая гроза затопила мраком долину Сан-Фернандо. Джейн, преследуемая вооруженным охранником, бежала, разбрызгивая воду, по неглубокой впадине в центре проулка, где поток нес мусор. Она промчалась мимо мусорного бачка у стальной двери с табличкой: «РЕСТОРАН ВАЛЕНТИНО / ДОСТАВКА», искала глазами вход и была вознаграждена за свои усилия.

За дверью находилось помещение для приема товара размером примерно двадцать на десять футов. Бетонные стены и пол. Пустые металлические полки слева и справа. Внутренняя дверь, которая, вероятно, вела в кухню. Ресторан еще не открыт к обеду, но персонал на своих местах, готовится.

Она отступила влево, поставила сумку, прижалась к стене.

Если за ней гонится не полицейский, подхалтуривающий в частной охранной компании, если парень прежде не служил в армии, если это обычный коп, мечтающий о карьере и получивший разрешение на использование оружия, он будет из кожи вон лезть, чтобы проявить себя. При избытке энтузиазма и отсутствии серьезного опыта он вломится сюда, думая, что ее цель – ускользнуть через главный вход.

Если это карьерист, оставалось только надеяться, что он не ворвется с пистолетом на изготовку. Начинаящие порой

горели желанием наставить на тебя ствол, а некоторые побаивались своего оружия.

Ручка дернулась, уплотнение двери проскрежетало по порогу, издав всасывающий звук, дверь открылась в противоположную от Джейн сторону, в помещение под напором ветра хлынули дождевые брызги, охранник вошел и замер в двух футах от нее. Он понял, что он здесь не один, когда Джейн нажала кнопку и складной зонтик ударил по его лицу.

Он вскрикнул от удивления – вероятно, не сразу понял, что раскрылось у него перед носом. С учетом неожиданности происходящего и черного цвета зонтика он вполне мог подумать, что это смерть пришла за ним и распахнула крылья, чтобы обнять его. Ноги его подкосились, и он упал. Джейн отбросила зонтик и с силой наступила ему на яйца – пусть пожалеет, что его в свое время не кастрировали.

– Не заставляй меня калечить тебя еще больше, – сказала она, не убирая ног. Можно было ни о чем не беспокоиться: этот маневр лишил его всяких сил. Джейн наклонилась к нему, вытащила пистолет из кобуры, сделала шаг назад, навела ствол на лежащего, и в этот момент захлопнулась наружная дверь.

– Не вставай с пола. Снимай штаны.

Бледный от потрясения, хрипящий от боли, он не сразу понял, что ему говорят, но, когда понял, медлить не стал.

Охранник стащил с себя штаны, и тут открылась внутренняя дверь. Появился человек средних лет с римскими черта-

ми лица, облаченный в белое, в шапочке шеф-повара – видимо, услышал шум и пришел узнать, в чем дело. Увидев, что здесь делается, он принял такой вид, будто ему сунули в руки динамитную шашку с подожженным шнуром, и начал пятиться. Джейн навела на него пистолет.

– Не двигаться, или я стреляю.

– Не надо. У меня на руках старушка-мать, – взмолился он, поднимая руки и подпирая своим телом внутреннюю дверь.

Охранник, лежавший на спине, пытался стащить промокшие от дождя брюки через ботинки. Джейн нашла бы это смешным, если бы не думала о том, что египтофилка из библиотеки, наверное, уже позвонила в полицию.

– Поднимите зонтик и закройте, – сказала она шеф-повару. Тот исполнил приказание, а охранник тем временем избавился от брюк.

– Шеф, бросьте зонтик туда, где лежит сумка. Только не советую кидать в меня.

Он мог бы стать чемпионом по игре в серсо – зонтик приземлился прямо на сумку.

– Теперь трусы, – приказала она охраннику.

– Господи, не надо...

– Ты знаешь, кто я? – спросила она.

– Да, знаю, знаю.

– Значит, тебе известно, что я способна на все. Голый или мертвый? Выбирай. Быстро.

Охранник стащил трусы.

– Вставай.

Он поморщился и всосал воздух, не разжимая зубов. Ему пришлось ухватиться за металлическую полку, чтобы подняться на ноги. Пока что он не мог стоять прямо.

– Возьми брюки и трусы, – велела она. – Выкинь их на середину проулка.

Он подчинился, а затем по приказу Джейн подошел к шесту, прошипев с полнейшей искренностью, что ненавидит ее. Не давая наружной двери закрыться, Джейн ответила:

– Ты разбиваешь мое сердце. – Она подняла сумку и зонтик левой рукой. – Шеф, я, кажется, чувствую запах брачолы?

– Это блюдо дня.

– Жаль, не могу остаться.

Она вышла из комнаты, швырнула пистолет охранника в мусорный бачок и побежала под проливным дождем, который казался более холодным, чем двумя минутами ранее. За то время, что Джейн не было на улице, ветер усилился и теперь, с наступлением вечера, несся по переулку, завывая, точно стадо перепуганных до смерти призраков, носившихся по этой земле за много веков до того, как на нее ступила нога человека.

Кухня в доме мертвой женщины. Застывший восковой жир бекона в стоящей на плите сковородке. Светлые нитриловые печатки, оставленные агентами ФБР – повешенные на спинки стульев, свисающие с краев столешниц, лежащие на полу, словно останки морских существ, вроде анемонов, извлеченных из своего далекого обиталища неизвестным способом. Грязная тарелка и приборы на столе, оставленные женщиной, которая, как все знали, отличалась аккуратностью. И дневник с тысячекратными повторами фраз и придаточных предложений, с помощью которых она усердно конструировала послание – навязчивая потребность сообщить о состоянии или происшествии, которое пугало и угнетало ее.

«Иногда по ночам я просыпаюсь...»

Шериф Лютер Тиллмен перевернул пять страниц, прежде чем нашел следующую часть предложения – в тот момент, когда Роб Стассен сказал: «У меня кровь стынет в жилах».

А на странице Лютер прочел: «Иногда по ночам я просыпаюсь – кажется, что внутри моего мозга ползает паук...»

– Видимо, агенты ФБР видели это. Они ведь не настолько бездарны, чтобы пропустить такое.

– Но тогда они забрали бы дневник с собой, – сказал Роб. – Господи, это же важнейшая улика.

Поведение агентов ФБР было необъяснимым. Но Лютера

больше беспокоило то, что они здесь нашли, весь этот ужас; он был опечален тем, что у Кора, по всей видимости, развилось душевное заболевание. Шериф перевернул еще три страницы и наконец нашел место, где ей удалось вымучить из себя следующую часть предложения.

«Иногда по ночам я просыпаюсь – кажется, что внутри моего мозга ползает паук и он говорит со мной...»

Продолжение следовало через две страницы, новое – еще через три. Потом Кора перестала писать – остальные листы были чистыми. Лютер прочел послание целиком.

– «Иногда по ночам я просыпаюсь – кажется, что внутри моего мозга ползает паук и он говорит со мной, говорит злобным шепотом. Я знаю, он откладывает яйца в складках моего мозга. Он приказывает мне заснуть, и я засыпаю. Порой я на несколько дней забываю о пауке. Но потом просыпаюсь ночью и чувствую, как он ползет, выдавливает свои яйца в мой мозг, говорит мне: „Забудь меня“. Этот паук принесет мне смерть».

Включился компрессор холодильника, и Лютер испуганно поднял голову.

– Бедняжка Кора, – сказал Роб Стассен. – Странно звучит после того, что она натворила. Но, Господи Иисусе, она была больна. Что теперь, шериф?

Лютер закрыл тетрадь, сунул ее под мышку и сказал:

– Теперь давай обыщем весь дом. Посмотрим, что еще в ФБР сочли неважным.

Джейн требовался дешевенький мотель, обеспечивающий анонимность, но без тараканов – такой, где можно сослаться на отсутствие банковской карточки и платить наличными, не вызывая подозрений.

После истории с охранником ее искала вся долина Сан-Фернандо. Она избегала забитых автострад, где машины медленно обтекали места многочисленных аварий, вызванных непогодой. Джейн направилась на запад, в Вудланд-Хиллз, а потом свернула на юг, чтобы по местной дороге номер двадцать семь добраться до прибрежного шоссе через горы Санта-Моника.

Пляж Уилла Роджерса был закрыт. Цепочка, натянутая между двумя столбиками, не позволяла заехать на парковку. Местность по обе стороны дорожки выглядела негостеприимно, но тем не менее Джейн обогнула препятствие, включила фары и медленно въехала на парковку среди кружащихся клочьев прибрежного тумана.

В серой хмари вырисовывались очертания какой-то постройки. Общественные туалеты. Джейн задним ходом сдала к навесу здания, вышла под дождь с сумкой в руках, вытащила из багажника один из двух чемоданов и пакет с париками. Она слышала, как океан без устали накатывает на берег, но из-за тумана не видела волнолома.

За дверью туалета или перед ней наверняка есть камеры наблюдения. Изображение в такую погоду выйдет нечетким. Как бы то ни было, крушить она ничего не собиралась, а поэтому у них не будет оснований просматривать видеозапись за этот час, когда на пляже не было народа.

Отперев «Локейдом» женский туалет, Джейн зажгла лампы, освещавшие только ряд раковин. В воздухе пахло дезинфектантом, который не заглушал запах мочи. Она открыла чемодан, поставив его на столик между двумя раковинами, и вытащила большой мешок для мусора, которым пользовалась, переодеваясь в дороге. Отложив в сторону бейсболку, она сняла с себя спортивную куртку и наплечный ремень с пистолетом, затем стащила свитер и джинсы и засунула их в мешок вместе с мокрой курткой. Рокпорты она сняла, но осталась в мокрых носках: не хотелось вставать босиком на грязный пол. Натянув на себя сухие джинсы, сухой свитер, застегнув наплечный ремень и накинув свежую спортивную куртку, она надела мокрые туфли и завязала шнурки.

Теперь полицейские знали о ее каштановых волосах. Дождь распрямил локоны, но волосы скоро придется покрасить.

Из париков, проданных липовыми сирийскими беженцами из Резеды, Джейн выбрала черный, обкорнанный со всех сторон – стильный вариант панковской прически от «Вог». Хотя парик побывал в охраняемом гномами доме, где уважали сигареты, роскошные волосы хорошо пахли: Лоис, да-

ма в розовом спортивном костюме, держала парики в холодильнике, купленном специально для этой цели.

Джейн заколола собственные волосы, приладила парик, быстро расчесала его и посмотрела в зеркало: выглядело убедительно. Теперь нужны тени с мягким синеватым оттенком и помада соответствующего тона. Очки в роговой оправе и бейсболку придется приберечь для другой инкарнации. Она прицепила фальшивое носовое колечко к крылу правой ноздри – серебряная змейка с единственным рубиновым глазом. Из шести поддельных водительских прав она выбрала те, где фотография отвечала ее новой прическе – документ на имя Элизабет Беннет из Дель-Мара, Калифорния, – и сунула в свой бумажник.

Последней из найденных в карманах вещей, которые она выложила на стол перед переодеванием, была камея из мыльного камня. Эту половинку медальона нашел Трэвис, ее сын, неподалеку от дома близких друзей Джейн, которым она доверила его. Трэвис решил, что профиль вырезанной в камне женщины похож на мамин, что ему улыбнулась удача – найти такую штуку среди отшлифованных камней в ручье! Джейн не заметила никакого сходства, но приняла подарок и обещала всегда держать при себе: пусть защищает ее и служит залогом возвращения. Теперь она поцеловала камею, как целуют медаль с изображением святого или крест на четках, потом еще раз, крепко сжала ее в кулаке и засунула в карман джинсов.

Поскольку багажник «форда» находился под навесом здания, где помещались туалеты, Джейн уложила все вещи, не промокнув, и сразу бросилась к водительской двери. Десять минут от прибытия до отъезда.

После этого отвратительного дня она вдруг обрела уверенность в том, что ночь пройдет без тревог. Но, как самый разыскиваемый преступник в Америке, она знала, что следующий день будет нелегким, особенно из-за того, что она приготовила для Рэндала Ларкина.

Обстановка и состояние скромного дома Кору Гандерсан говорили о том, что она жила простой жизнью и довольствовалась маленькими радостями. Она души не чаяла в своей Дикси-Бель, для которой покупала множество игрушек и цветных свитерков, а их совместная жизнь была увековечена в полдюжине фотоальбомов. Коре нравилось вязать крючком, и весь дом был увешан ее творениями; она подписывалась на «Гайдпостс»¹²; на одной из стен красовались десятки фотографий ее любимых учеников за разные годы.

Теперь эта женщина была мертва, а ее право на тайну личной жизни – перечеркнуто, причем не столько самим фактом смерти, сколько обстоятельствами, унесшими жизни стольких людей в отеле «Веблен». И все же шериф Лютер Тиллмен чувствовал себя виноватым, вторгаясь в ее мирок, когда вместе с Робом Стассеном открывал ящики, осматривал кладовки, перемещался по небольшому дому. Кора мало чем владела и не искала ничего большего, ее скромность проявлялась буквально во всем.

Кроме дневника на кухонном столе, ничего странного не нашлось, хотя в спальне оказалось еще тридцать тетрадей на спиральке. Книжные полки закрывали одну из стен от пола до потолка. Книги в твердых переплетах и мягких облож-

¹² Ежемесячный журнал религиозного содержания.

ках стояли наверху, а на нижней полке лежали трехсотстраничные тетради размером девять на двенадцать дюймов, исписанные аккуратным почерком Кору. Лютер просмотрел несколько тетрадей, Роб полистал другие, и оба пришли к одному выводу: за прошедшие двадцать лет учительница с удивительной скоростью писала рассказы и даже романы.

– Разве рукописи сдают не в печатном виде? – недоуменно сказал Роб.

– Может, их печатал кто-то другой.

– Она что-нибудь публиковала?

– Насколько я знаю, нет, – сказал Лютер, листая страницы.

– Если все это отвергли, удар был тяжелым.

– Может, никто их не отвергал.

– Думаете, она печаталась под псевдонимом?

– Может, она и не пыталась ничего опубликовать.

Роб прочел несколько строк и пренебрежительно сказал:

– Да, это не Луис Ламур¹³.

Лютер заинтересовался первым абзацем рассказа и понял, что ему хочется читать дальше.

– Может, это и не Луис Ламур, но это кое-что.

¹³ *Луис Ламур* (1908–1988) – американский писатель, известный главным образом как автор вестернов.

Мотель в Манхэттен-Бич, хотя и вдали от берега, унылый номер, просевшая двуспальная кровать. Зато чисто и нет насекомых, по крайней мере при включенном свете. Ночной дождь – десять тысяч беспокойных голосов; ветер – неистовый оратор, что призывает собравшихся к насилию, время от времени грохоча металлическим навесом, стуча незапертой ставней брошенного здания по другую сторону улицы. Снова еда навывнос, насыщенная протеином. Кола с водкой.

Джейн ела, просматривая записи о смерти Сакуры Ханнафин и о жизни Рэндала Ларкина, приятеля Лоренса Ханнафина. Все, кто был связан с миллиардером Дэвидом Майклом, жили в лабиринте обманов, у каждого имелись десятки отражений, не похожих друг на друга, – представители общественной и политической элиты, чья тайная жизнь (то есть реальная жизнь) была настоящей помойкой. Если бы ненависть Джейн превратилась в яд, все они были бы мертвы.

Выпив вторую порцию колы с водкой, она включила телевизор – посмотреть, что есть в кабельных новостях, кроме сюжетов про нее, – и впервые узнала о происшествии в Миннесоте, где погибли сорок шесть человек.

Любимая всеми учительница спланировала массовое убийство, но на сей раз не во имя Аллаха: все говорило об атаке смертника, запрограммированного с помощью наноматериалов.

шины. В свое время Кора Гандерсан стала «Учителем года» Миннесоты. Может быть, компьютерная модель заговорщиков указала на нее как на одну из тех, кто способен – по крайней мере, слегка – подтолкнуть общество в нежелательном для них направлении. Среди сгоревших были губернатор и конгрессмен, которые считались реформаторами.

Люди, обреченные на уничтожение, входили в так называемый список Гамлета. Джейн узнала о нем от одного из двух человек, убитых ею в порядке самообороны на прошлой неделе. С самодовольным видом политика, оправдывающего коррупцию как форму социальной справедливости, он сказал ей, что если бы кто-нибудь убил Гамлета в первом акте шекспировской трагедии, больше персонажей осталось бы в живых под конец. Казалось, они искренне верили, что эта невежественная интерпретация известного произведения оправдывает убийство восьми тысяч четырехсот человек в год.

Они были интеллектуалами, идеи воодушевляли их и значили для них больше, чем люди. Самозваные интеллектуалы вообще принадлежали к числу самых опасных людей на планете. Проблема состояла в том, что *все* интеллектуалы поначалу были самозваными, пока другие люди не соглашались с их статусом и не начинали обращаться к ним за словами мудрости. Им не требовалось проходить тесты, чтобы подтвердить свои блестящие способности, не нужно было представлять перед научными советами. Стать знаменитым интел-

лектуалом было легче, чем получить диплом парикмахера.

Объятая отвращением, Джейн выключила телевизор. Поведение новостников наводило на мысль о том, что эти мрачные лица, выверенные голоса и эмоциональные паузы – плод точного расчета. Наверное, каждый из них в глубине души, где внутренний младенец встречался с продажной совестью, испытывал радость, выходя в эфир в тот момент, когда трагедия поднимала рейтинги каналов: он мог воображать, что войдет в историю.

Джейн сидела на кровати без парика, в футболке и трусах, допивала водку с колой и слушала звуки дождя, сердитого ветра и уличного движения. Закрыв глаза, она увидела сына: он спал, находясь в безопасности, у ее друзей, на которых никто не выйдет, а рядом с ним в кровати лежали две немецкие овчарки. Так волчица спала с брошенным на произвол судьбы Ромулом, охраняла его, чтобы он выжил и стал основателем Рима.

В двенадцатом часу ночи, когда Ребекка и Джоли ушли спать наверх, шериф Лютер Тиллмен сидел за кухонным столом – без ботинок, но все еще в форме, – с головой уйдя в очередной рассказ Кору Гандерсан. Из трех уже прочитанных этот пока что казался ему лучшим. Два первых имели изящную концовку, в третьем, возможно, все будет еще изысканнее. Временами проза звучала у него в голове, как песня, а когда он начинал читать вслух, комната наполнялась мелодией.

Шериф размышлял над тайной, которую учительница скрывала много лет. Она написала тридцать толстых тетрадей прозы такого качества, что за нее ухватился бы любой издатель, но явно никогда никому не говорила о своем творчестве. Легкая на подъем, всегда интересовавшаяся тем, что творится вокруг, она жила уединенно – если не считать Дикси-Бель и собаку, которая была до нее, – но вела напряженную творческую жизнь и скрашивала свое одиночество, создавая ярких персонажей. Дикси заскулила, точно Лютер произнес ее имя вслух, и подняла морду со своей лежанки, которую шериф привез из дома Кору и поставил в углу кухни.

– Спи-спи, малышка, – сказал он, и собака, вздохнув, опустила голову.

Он привез домой десять тетрадок с сочинениями Кору и еще ту, где она с параноидальной уверенностью писала, что паук откладывает яйца в ее мозгу. Утром нужно будет съездить в ее дом и забрать остальные тетради. Лютер не мог понять, как женщина, писавшая такую тонкую прозу, могла въехать на смертоносном внедорожнике в отель «Веблен». Он верил, что любое преступление – это нездоровый побег с корнями, которые можно выкорчевать, и не сомневался, что в одной из тетрадей на спирали найдутся первые признаки неуравновешенности, свидетельства начала паранойи. Возможно, удастся выяснить не только когда это случилось, но и почему.

Смартфон, заряжавшийся на соседнем столе, зазвонил в 11:48. Повернувшись, шериф схватил телефон. Его помощник Лонни Берк, отправленный для патрулирования дорог на границе округа, сообщил, что дом Кору Гандерсан горит и что это, без сомнения, поджог.

Лютеру показалось, что это не просто акт бессильной мести, совершенный родственником одного из погибших в отеле.

Дранка, стропила, балки, стойки, стенные панели, двери, шкафы, мебель – все превратилось в прах, унесенный ветром далеко в ночь. Бетонные подпорки испускали свечение, напоминавшее сияние луны, но та по-прежнему была окутана тучами. Бледный свет сопровождался жаром, все еще слишком сильным: оконные стекла превратились в сияющие лужи на бетоне, где только начали появляться рябь и спирали, а весь металл плиток, холодильника и кастрюль – и даже печки, рассчитанной на контакт с пламенем, – сделался полурасплавленной массой, сверкающей, необычной на вид.

Снег в радиусе пятнадцати ярдов вокруг дома превратился в ручьи и воду, а замерзшая земля – в грязь. Дальше снежное одеяло было усыпано пеплом и крапинками сажи. Две старые сосны, лишившиеся зелени, стояли перед домом, понурившиеся, оцетинившиеся, черные и дымящиеся.

Пожарные потерпели поражение еще до своего приезда – им оставалось только стоять и смотреть, как догорают остатки этого ада. Но они не уезжали: казалось, некое суеверие заставляло их ожидать, что неестественно яростное пламя вернется и вспыхнет с прежней силой, хотя оно уже пожрало

все, что могло гореть. Там, где от местного шоссе к дому отходила подъездная дорожка, к почтовому ящику была приклонена фанерка с белыми буквами: «ГОРИ В АДУ, СУКА».

Вэнс Сондерс, некогда отвечавший за пожарную безопасность на авианосце, сказал, что ни одно горючее вещество не может вызвать такого мощного пламени.

– Даже если бы они облили дом бензином, – сказал он Лютеру, – он бы не стал гореть вот так. Видимо, применили напалм.

Когда пожарные уехали, Лонни Берк с Лютером пошли к машинам.

– Если мы откроем дело о поджоге, все, кто знал погибших в отеле, станут подозреваемыми.

– Кто бы это ни сделал, они не местные, – сказал Лютер.

Озадаченный Лонни спросил:

– А кто же тогда?

Вспоминая, как криминалистов ФБР вышвырнул из дома чиновник Министерства юстиции, прекративший поиски раньше времени, Лютер сказал:

– Может, мы никогда не узнаем... а может, нам и не нужно знать.

Лонни продолжил патрулирование, а Лютер медленно поехал домой сквозь высокоширотную ночь; иногда в ясную погоду он стоял как зачарованный под небом, где полыхало северное сияние. Он знал, что эти светящиеся ленты – всего лишь заряженные солнечные частицы, бомбардирующие

верхнюю часть атмосферы и направленные вдоль магнитных силовых линий Земли, и тем не менее зрелище каждый раз изумляло его. Порой, зная подоплеку того или иного явления, мы все же находим его таинственным и мистическим, чувствуя себя маленькими и уязвимыми перед силами природы.

На полпути к дому он решил позвонить Робу Стассену, с которым осматривал дом Кору Гандерсан. Роб еще не лег и принял звонок.

– Это я, – сказал Лютер.

Робби, пережевывая то, чем был набит его рот, сказал:

– Дасэр. Смотрел какую-то лабуду по телевизору.

– Жуешь?

– Мексиканские чипсы и гуакамоле.

– Слушай, ты говорил кому-нибудь о том, что мы нашли в доме Кору?

– Отметился, приехал домой, свалился. Ни с кем не говорил.

– Точно ни с кем? Это важно.

– Ни с кем. Только с собой, может.

– А Мелани?

– Она в Айдахо – гостит у мамы. Забыли?

– Да, я знаю. Дом Кору сгорел дотла.

– Почему меня это не удивляет? Люди глупы. Я вам нужен на месте?

– Нет. Мне нужно только одно: никому не говори, что мы

были в доме. Ни одной живой душе. Ни слова о тетрадах, которые мы нашли.

– Не хрен делать.

– Это чертовски серьезно, Робби.

– Я слышу, шериф. Вы меня немного напугали.

– Хорошо. Даже этого разговора между нами не было.

– Какого разговора?

Лютер отключился.

Чем ближе подъезжал он к дому, тем сильнее жал на газ, хотя и не отдавал себе отчета в том, что боится приехать и увидеть нечто ужасное, случившееся с его домом, его семьей. Но все оказалось в порядке.

Джейн снился Ник, любовь всей ее жизни. Хороший, живой сон, реалистичный, что бывает редко: его рука на ее шее, на ее груди, поцелуй в ее голое плечо, его лицо, светящееся в янтарном полусвете и жидких тенях, посреди какой-то безымянной местности – и ее поглотило не желание, а ощущение безопасности в его объятиях.

Но когда он заговорил, все надежды услышать слова любви от ее любовника не оправдались – вместо них она услышала голос человека, который два месяца назад очаровал Трэвиса, а потом угрожал Джейн по телефону: «Замечательно доверчивый ребенок, и такой нежный. Мы, конечно, могли бы забавы ради засунуть этого шельмеца в какую-нибудь змеиную нору в недоразвитой стране, сдать его какой-нибудь группировке вроде ИГИЛ или „Боко Харам“... – Нежное прикосновение Ника стало грубее, а когда Джейн попыталась вырваться, он крепко ухватил ее. – Некоторые тамошние головорезы ужасно любят маленьких мальчиков, не меньше, чем маленьких девочек... – Его глаза перестали быть глазами Ника, смотрели злобно и холодно. – Может, ему даже дадут подрости лет до десяти-одиннадцати, а когда он надоест местному варвару, его хорошенькую головку отрежут».

Она проснулась вся в поту, села и долго не могла нащупать

выключатель одной прикроватной лампы, потом другой. В комнате никого больше не было, но она вытащила пистолет из-под подушки, на которой лежала бы голова Ника, будь он в живых и рядом с ней.

Цифровые часы показывали 4:08.

Уснуть больше не удастся.

Ветер выпроводил дождь в другую часть мира. Теперь до Джейн не доносились ни шум уличного движения, ни звуки из соседнего номера – южнокалифорнийский улей замер в ожидании рассвета.

Ее разбудил не кошмар, в который превратилось сновидение, а мысль, ускользавшая от нее, пока она бодрствовала, и пришедшая только во сне. Ник был человеком умным и трезвомыслящим, с сильным чувством ответственности перед семьей. И все же... компьютерная модель сделала его кандидатом в список Гамлета, потом ему при помощи инъекции ввели механизм управления, наконец, он получил приказ на самоуничтожение и выполнил его. А если бы ему велели совершить массовое убийство и самому погибнуть при этом, как той женщине в Миннесоте?

Что, если Нику приказали бы, перед тем как покончить с собой, убить жену и ребенка?

Джейн не хотела размышлять над этим «что, если».

Держа пистолет, она поднялась со скрипучей кровати и прошла по комнате, словно повсюду были расставлены готовые сработать ловушки. В ванной она включила свет и ото-

двинула душевую занавеску с налетом грязной пленки, зная, что там никто не прячется, но чувствуя настоящую потребность проверить это. Она положила пистолет на ламинированную поверхность подзеркальника, повернула кран, набрала в обе ладони холодной воды и опустила лицо в чашу из ладоней и пальцев, словно собираясь смыть с себя это мучительное «что, если».

Прозрачные капельки, падавшие с лица на поколотую фарфоровую раковину, было легко превратить силой воображения в капли крови.

С игрой в «что, если» была проблема: ты не мог прекратить ее по своему желанию. Из одного «что, если» выросло другое.

Что, если в ходе борьбы они захватят ее и введут механизм управления? Что, если они прикажут ей вернуться к сыну, убить его и покончить с собой? Или убить его, а самой остаться в живых? И жить, помня, что она сделала с мальчиком, когда он бросился в ее объятия?

Раньше ей казалось, что она осознает все риски. Но поэты и мудрецы считали, что ад состоит из нескольких кругов, и сейчас Джейн заглянула в неведомые ей прежде области – те, что находились ближе к центру.

Шерифу Лютеру Тиллмену никогда не требовалось – да и не хватало терпения переносить – того, что другие называли полноценным ночным сном. Он довольствовался четырьмя-пятью часами, изредка – шестью. Да, сон давал ему отдых, но также имел привкус смерти: ты просыпаешься и понимаешь, что мир в течение нескольких часов прекрасно обходился без тебя, а потом будет обходиться без тебя вечно. При необходимости Лютер мог не спать целую ночь без всяких неприятных последствий. В тот день ему и предстояло сделать как раз это.

В 1:10 пятницы, вернувшись с пепелища дома Кору Гандерсан, он заварил кофе, поставил на кухонный стол коробочку со сдобным печеньем и снова взялся за прозу учительницы. Чтение не только развлекало его, но и давало представление о сложности ума Кору и щедрости ее сердца. Лютер считал, что хорошо знал ее, но теперь обнаружил, что не знал почти совсем, – словно он вошел по колению в спокойный пруд и обнаружил там неизмеримые глубины, кишачие жизнью.

Но ничто из прочитанного не объясняло поступка Кору – даже напротив, красивая проза затрудняла понимание этого уродливого деяния. Поэтому примерно в половине пятого утра шериф вернулся к дневниковым записям, где Кора с

трудом выдавила из себя четыре предложения о пауке, ползающем в ее мозгу.

Когда Лютер и Робби Стассен размышляли над этими словами, сидя на кухне Кору, они лишь бегло проглядывали повторы, которые благодаря четкой скорописи образовывали ровную, убаюкивающую взгляд гладь, резко нарушавшуюся с появлением новой фразы. Теперь он просматривал страницы внимательнее, изучая строку за строкой в поисках неизвестно чего.

На сей раз он получил в награду слово «доменная» там, где должно было стоять слово «внутри»: «доменная моего мозга ползает паук»...

Он мог бы счесть это ничего не значащей опиской, но двадцатью строками ниже, в том же месте, это слово повторилось, а потом возникло совсем в другой фразе – «он говорит со мной, говорит доменная шепотом». «Доменная» вместо «злым».

Хороший коп, проводя расследование, ищет закономерности и отсутствие закономерностей там, где они должны быть, и нередко, как в данном случае, находит красноречивые улики.

Отыскав двадцать случаев неуместного употребления слова «доменная» и его производных, Лютер нашел слово «печь», употребленное один раз вместо «шепотом», а другой раз – вместо «мозга». Девятнадцать раз встречалось слово «топка». Потом обнаружилось третье слово, внедренное,

будто код, в тысячекратные повторы. «На несколько дней» превратилось в «на несколько озер». Эта замена попала в двадцати двух местах на одиннадцати страницах. Лютер просмотрел строка за строкой все страницы, но больше ничего интересного не появилось.

«Доменная Печь Озеро».

Попытка Кору выразить странный страх перед пауком, захватывающим ее мозг, выглядела изумлением женщины, понявшей, что у нее быстро развивается паранойя. Возможно, ее угнетало происходящее – не только страх перед воображаемым пауком, но и собственная вера в его существование, которую здоровая часть мозга считала иррациональной.

Вставка географического названия в повторяющийся текст казалась чем-то совсем другим, словно Кора сознательно пыталась сообщить о пауке, но из темных глубин подсознания всплыло название места, которое она либо забыла, либо не хотела вспоминать.

Лютер не знал, что это может означать и означает ли вообще что-нибудь. Кроме того, было непонятно, что за связь существовала между параноидальным страхом Кору и атакой на отель. В любом случае такое расследование не имело смысла. Женщина, неожиданно оказавшаяся преступницей, была мертва и не могла защищать себя, ссылаясь на невменяемость. Никакой подготовки к процессу не требовалось.

Но Лютер не мог оставить все как есть. Не мог из-за небрежного осмотра дома Кору агентами ФБР, вмешатель-

ства чиновника из Министерства юстиции, приказавшего им прекратить работу и оставить дом, и, конечно же, из-за того, что неизвестный человек поджег дом, уничтожил все, что в нем находилось, и попытался выдать это за месть одного из местных жителей.

Лютер пошел работать в полицию, потому что верил в верховенство закона. Цивилизованное общество не может существовать без этого. Когда верховенство закона расшатывается, слабые становятся жертвами сильных. Если оно исчезнет, начнется эпоха варварства, по улицам потекут такие реки крови, что апокалипсические бедствия и киношные катастрофы покажутся детскими игрушками. Лютер уже давно с озабоченностью наблюдал за теми, кто, будучи коррумпирован, все более нагло воровал и рвался к власти, видел, как коррупция поражает институты, прежде считавшиеся здоровыми.

У него были две дочери и жена. Он не мог отвернуться от этого дела просто потому, что более высокие инстанции изъяли это преступление из его юрисдикции, или потому, что выяснить правду об атаке на отель не представлялось возможным. Оправдывать собственное бездействие тем, что дело безнадежное, было простой трусостью.

В своем кабинете шериф отпер красивый шкафчик красного дерева, где хранил пистолет. Из трех нижних полок для хранения патронов одна была пуста. Он положил туда дневник Кору, запер замок и сунул ключ в карман. В 5:50, когда

Лютер сел за компьютер и принялся читать про Доменную Печь, штат Кентукки, появилась Ребекка, в пижаме и халате. Она подошла сзади, обняла его, поцеловала в макушку:

– Глаз не сомкнул?

– Никак не уснуть.

– Ты ничего не мог сделать. И не можешь.

– Так и должна говорить жена.

– Да, особенно когда это правда. Тебе нужно подготовиться к этому ужасному дню.

– Федералы позволят мне разве что регулировать движение.

– Ты будешь в центре внимания.

– Не вижу для этого оснований.

– Вчера из-за погоды аэропорты были закрыты, и вечером происшествие освещали только новостники города и штата. Но утром к нам заявится целая толпа журналистов. Вашингтонские ребята пригласят тебя на сцену, на тот случай, если по ходу дела им потребуется на кого-нибудь свалить вину.

Лютер выключил компьютер, встал с кресла, обнял жену и сказал:

– Что случилось с Поллианной¹⁴, на которой я когда-то женился? Откуда столько цинизма?

– Накапливается понемногу, – ответила она.

¹⁴ *Поллианна* – героиня одноименного романа (1913) американской писательницы Элинор Портер, девочка, умеющая видеть во всем хорошее и живущая под девизом: всегда радуйтесь.

– Да, я тоже так думаю.

– Не позволяй им использовать тебя.

Он поцеловал ее в лоб:

– У них не выйдет.

– Выйдет, если ты им позволишь. Если они обольют тебя грязью, пытаясь обелить себя... нам ведь здесь жить.

– В этом округе знают, кто я такой. И не важно, сколько грязи выльют на меня.

– Народ Иудеи знал Иисуса, и чем все закончилось?

– Женщина, я не Иисус.

– Именно это я и говорю.

– Закрой глаза, красавица.

Лютер поцеловал ее в левое веко, потом в правое. Она прижалась головой к его груди:

– Как бы то ни было, я по-прежнему Поллианна во всем, что касается тебя.

Они стояли, обняв друг друга, а за окном свет уже пронзал серое, сгустившееся небо, извещая о наступлении нового дня.

Джейн увидела их, когда ехала по улице, застроенной жилыми домами, в равнинной части Беверли-Хиллз, к югу от Уилшира. Двое парней лет шестнадцати. Выцветшие, порванные и залатанные джинсы, так изящно состаренные и сидящие так плотно, что они вполне могли бы быть изделием модного дизайнера, а не починенным секонд-хендом. Винтажные рок-футболки. На одном была выцветшая черная джинсовая куртка, наброшенная на плечи, словно накидка, другой не делал уступок утренней прохладе и щеголял в серой шляпе поркпай¹⁵. Оба несли скейтборды. Оба курили, хотя в Калифорнии это не разрешалось до двадцати одного года. Ни рюкзаков, ни книг Джейн не увидела: вполне вероятно, что они ушли из дома пораньше, собираясь прогулять уроки.

Она проехала два квартала, свернула за угол, припарковалась, вернулась на улицу, по которой шагали парни, и встала, опершись о машину, припаркованную под индейским лавром, – в модном панковском парике черного цвета, с тенями на лице, темно-голубой помадой на губах и колечком в носу. Независимо от одежды, она притянет их взгляды, как магнит притягивает кусок железа, – созревшие парни и мужчины всех возрастов непременно глядели на нее, искоса либо

¹⁵ *Поркпай* – мужская шляпа с плоским верхом и узкими полями.

в упор. Джейн не возмущалась. Раньше она выказывала раздражение, а порой и презрение, но потом женщина, тренер по боевым искусствам в Куантико, убедила ее, что ее внешность дает ей преимущество над другими агентами, что это очень ценно – иметь возможность становиться, по собственному выбору, приманкой или средством отвлечения внимания.

Когда парни приблизились, она увидела, что у одного на футболке изображен скелет в котелке, символ группы «Guns’N’Roses», а у другого – машина со включенными фарами, появившаяся по случаю гастролей «ZZ Top» после выхода альбома «Eliminator». Обе футболки, довольно старые на вид, были сделаны из мягкой гладкой ткани и сильно поцарапаны. Но эти щенки вряд ли слышали музыку хоть одной из этих групп и уж точно не знали ничего об альбомах.

– Эй, ребята, вы такие плохие, какими кажетесь? – спросила Джейн.

Оба остановились, уставились на нее. Автомобиль ухмыльнулся, а Скелет смотрел на нее с тупым видом. Ни один не проронил ни слова, потому что девиз крутых ребят гласил: молчание – сила.

Джейн знала эту игру лучше их и выдержала взгляды парней с торжественным выражением на лице: жестокая богиня, ждущая, что на ее алтаре принесут в жертву ягненка и человека.

Утреннее солнце, проникавшее сквозь крону дерева, усы-

пало всех троих блестящими светом и багряной тенью. И хотя город вставал рано, подчиняясь призывному зову денег, сейчас наступила тишина, достойная пшеничных полей Айовы.

Затянувшись сигаретой и выдув дым из ноздрей, так, словно происходил от дракона, Автомобиль заговорил первым – прикоснулся к шляпе, глядя на Джейн, и сказал другу, еще раз ухмыльнувшись:

– Здесь теперь шлюхи обосновались?

Посмотрев на Скелета, Джейн осведомилась:

– Зачем ты с ним ходишь? Он тебе дронит?

Ухмылка пропала с лица Автомобиля, и он прорычал:

– Сука.

По-прежнему обращаясь к Скелету, Джейн продолжила:

– Он такой чувственный мальчик. Люблю чувственных мальчиков.

Автомобиль начал было отвечать, но Скелет прервал его:

– Помолчи, братан. Она тебя переболтает.

В любой группе из двух или более мужчин есть альфа-самец, здесь таким самцом был Скелет.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Вы можете только уроки мотать и сигаретки курить?

Или что-нибудь еще? – поинтересовалась Джейн.

Скелет явно решил, что сигарета перестала быть символом бунта и стала признаком ненужного кривляния. Он бросил ее на тротуар и растер ногой.

– Что, у тебя есть говно на продажу? Так покажи.

На плече у Джейн висела открытая сумочка. Она вытащила оттуда четыре сотенные купюры, но протягивать парням пока не стала.

– Тысячу долларов каждому. По две сотни сейчас. По две сотни, когда вы появитесь на месте работы. И по шесть, когда работа будет сделана.

– Какая работа?

Автомобиль не удержался:

– Она платит, чтобы мы ее отдрючили, старина.

На лице у Скелета появилось мучительное выражение. Джейн сказала:

– Я не покупаю фейерверки, которые взрываются еще в упаковке.

Скелет сказал своему товарищу:

– Будь вежлив с дамой. – А у Джейн спросил: – Что за работа?

Автомобиль, пытаясь вернуть себе немного самоуважения, вставил:

– Разносить людям повестки в суд.

Одарив его милой улыбкой, Джейн сказала:

– Значит, эта голова служит не только для еды.

Затем она объяснила, что и где нужно сделать:

– Этот сукин сын, которого мне надо обслужить, оказался скользким. Я не знаю точно, когда он появится, так что самая трудная часть задания – побездельничать где-нибудь с полчаса. Думаю, в этом вы настоящие спецы.

Она предложила по две сотни каждому. Автомобиль сразу схватил свои деньги. Скелет сказал, поколебавшись:

– Тысяча баков ни за что.

– Это стомиллионное дело, – солгала Джейн. – Пара сотен баков – грошовые расходы.

– А тип, которого тебе нужно обслужить... он из мафии или откуда?

– Я не подарок, – сказала она. – Иначе в моем бизнесе никак. Но я не полное дерьмо. Я не стану подставлять двух мальчишек под удар мафии. Этот тип – очкарик, дристун, фондовый менеджер с липкими пальцами, только и всего.

Пока она говорила, Скелет не сводил с нее глаз, после чего взял деньги, уверенный в том, что может прочесть ее мысли.

Может быть, эта парочка больше не появится – взяли по две сотни, и привет, – но, вероятнее всего, они вернутся. Джейн могла читать мысли Скелета так же хорошо, как он – по его мнению – мог читать ее собственные. Она знала, что подцепила его на крючок, когда поставила на место Автомобиля замечанием о фейерверках, взрывающихся в упаковке. Как и большинство подростков в это время и в этом месте, Скелет отличался завышенной самооценкой и всячески лелеял ее, но при этом считал нужным доказывать миру собственную состоятельность. И конечно, он был вечно озабоченным, измученным игрой гормонов. С Джейн у него ничего не вышло бы, но показать ей, чего он стоит, стало жизненно важным вопросом – удрать с деньгами было бы экви-

валентом преждевременного извержения.

Они опустили на тротуар скейтборды и покатали, отталкиваясь левой ногой, Скелет – впереди, Автомобиль – за ним. Доски подпрыгивали там, где попадались трещины в асфальте или древесные корни. Оба словно родились с крыльями, с досками, приклеенными к ступням для изящного полета, и возвращались на асфальт с хлопком, сохраняя идеальное равновесие.

Джейн смотрела вслед парням, пока они не исчезли за поворотом, а потом другой дорогой пошла на место работы, где собиралась встретиться с ними.

Лютер Тиллмен принял душ, побрился и уже надевал форму, когда в спальню вошла Ребекка и сказала, что внизу, в кабинете, его ждет Бут Хендриксон из Министерства юстиции. По словам Роба Стассена, именно этот человек увел агентов из дома Кору, не дав им закончить работу.

Независимо от того, что Лютеру было известно о человеке, он старался не судить о нем до личной встречи, чтобы дать ему возможность проявить себя. Но когда он вошел в кабинет и Хендриксон поднялся с кожаного кресла, Лютер почти сразу же почувствовал, что доверять ему не стоит.

– Шериф Тиллмен, – сказал посетитель, пожимая его руку крепче, чем требовалось, и задержав ее на мгновение дольше необходимого, – примите соболезнования в связи с потерей стольких друзей и соседей. Ужасное происшествие. Мы живем в прискорбные времена.

Пошитый на заказ черный костюм, стоимость которого, пожалуй, равнялась месячному жалованью шерифа округа, не мог скрыть того факта, что этот высокий мужчина костюм и плохо сложен. Хендриксон пытался выглядеть элегантным, но позы, жесты и выражение лица казались заученными, словно он тренировался перед зеркалом, учась быть изящным и учтивым.

– Учитель года, – сказал Хендриксон, – прекрасная репу-

тация, никто не говорит о ней дурного слова... и вдруг такой ужас. Если не ошибаюсь, Шекспир сказал: «Хоть с виду ангел, а смотри, что скрывается внутри!»¹⁶

– Раз вы говорите, что это Шекспир, значит Шекспир, – ответил Лютер. – Какая бы душевная болезнь ни поразила Кору под конец, она много лет напоминала ангела, больше, чем кто-нибудь другой в этом мире.

– Да, конечно напоминала, должна была напоминать, ведь до вчерашнего дня все прекрасно отзывались о ней. Не важно, что это было, опухоль в мозгу или психическое расстройство: как жертва болезни, она, безусловно, не может в полной мере нести ответственность за случившееся. Было бы несправедливо бросать в нее камень.

У Хендриксона было удлиненное ястребиное лицо, длинные сединой волосы, зачесанные назад, образовывали гриву – может быть, для того, чтобы подчеркнуть высокий лоб над глазами хищника.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Лютер.

Он не стал подтаскивать второе кресло поближе к посетителю, а предпочел обойти свой стол и сесть за него. Хендриксон снова уселся в кожаное кресло, расправил складочку на левой брючине, поправил пиджак и посмотрел на Лютера с торжественным, чуть театральным выражением:

– Нам предстоит горький, нелегкий день.

Лютер пододвинул свое офисное кресло к столу и увидел

¹⁶ Перевод М. Зенкевича.

на пресс-папье перед собой несколько листов с печатным текстом, схваченных скрепкой:

– Что это?

– Трагически погибли губернатор и конгрессмен, – сказал Хендриксон. – Нужно успокоить людей.

– Кроме них, погибли еще сорок четыре человека.

– Да, и это усугубляет ситуацию: они чувствовали себя в безопасности в присутствии губернатора и конгрессмена, что вполне понятно при таком количестве охраны. Но оказалось, что их безопасность – фикция. Терроризм поднимает голову во всем мире, и люди должны чувствовать, что власти постоянно и напряженно занимаются этой проблемой.

– Кора Гандерсан не была террористкой.

– Безусловно. Будет безответственно утверждать, что мисс Гандерсан действовала как джихадистка. Тот, кто скажет такое, обнаружит полное незнакомство с обстоятельствами дела. Но слухи неизбежны. Всегда, всегда. Социальные сети кишат параноиками. Кроме того, в стране есть группировки, для которых любая трагедия такого рода – возможность поупражняться в демагогии.

Этот человек из Министерства юстиции, казалось, вел себя как патриций из Новой Англии, происходящий из семьи, представители которой на протяжении многих поколений бескорыстно служили обществу. Но что-то в нем говорило о старательно скрываемом скромном происхождении, о том, что этому карьеристу нравится жить по нормам более

состоятельных слоев общества и он испытывает от этого самодовольное удовлетворение.

Неприязнь Лютера к нему тут же обострилась. Он постукал пальцем по листам, лежавшим перед ним, и повторил:

– Что это?

– Сегодня утром состоится пресс-конференция, а потом – встречи с отдельными репортерами. В таких болезненных обстоятельствах Министерство юстиции стремится к тому, чтобы власти города, штата и страны действовали согласованно ради успокоения людей.

Лютеру не понравилось, как Хендриксон произносил слово «люди» – словно говорил о ребенке с отставанием в развитии или о подонках общества. Просматривая текст, Лютер заметил:

– Я думаю иначе. Вы принесли заявление, которое я должен сделать на пресс-конференции?

– Оно звучит очень убедительно. Автор – спичрайтер генерального прокурора и вице-президента. Он вставил кое-какие популярные сегодня цитаты. Вы произведете впечатление на всю страну.

Однажды проявленное негодование невозможно подавить, поэтому Лютер сохранял спокойствие.

– К сожалению, я не могу встать перед микрофоном и прочесть это. Мои сотрудники даже не участвовали в следственных действиях.

Бут поднялся и подошел к окну – может быть, потому, что,

сидя в кресле, он был на дюйм-другой ниже сидящего шерифа. Он постоял несколько секунд, глядя на улицу и, видимо, предполагая, что его молчание заставит шерифа пересмотреть свое решение. Но этого не случилось, и он снова повернулся к хозяину с видом прокурора, почти не скрывающего презрения к обвиняемому, – точно в каком-нибудь старом английском фильме, где судью играет Чарльз Лоутон¹⁷.

– Если вы просто не расположены к сотрудничеству, шериф Тиллмен, то, к сожалению, на пресс-конференции для вас не найдется места.

– Хорошо. Значит, для меня не найдется места.

– Я искренне надеюсь, что вы не собираетесь созвать собственную пресс-конференцию.

– У меня нет для этого оснований, мистер Хендриксон. Знаю я мало, и мне ничего не сказали. Я не склонен выставлять себя дураком – во всяком случае, не отдавая себе в полной мере отчета в том, что я делаю.

Хендриксон подошел к столу и взял распечатку бледными гладкими пальцами с идеально наманикюрованными ногтями.

– Жаль, что вы так считаете, но я полагаю, что мы пришли к компромиссу, который удовлетворяет нас обоих.

– Мы достигли взаимопонимания, – поправил его Лютер, вставая с кресла. – Позвольте вас проводить, мистер Хендриксон.

Выйдя на крыльцо, Хендриксон повернулся и посмотрел

¹⁷ Чарльз Лоутон (1899–1962) – английский и американский актер и режиссер.

в глаза Лютеру:

– Шериф, я уверен, что ваш офис время от времени получает гранты по одной или другой программе. Вероятно, всего таких программ с полдюжины и вы зависите от них.

– И мы благодарны за это каждый день, – сказал Лютер и улыбнулся, словно бросал вызов человеку из министерства: «Улыбнись-ка мне в ответ».

Словно необычное пугало с палками и соломой, запиханными под модный костюм, Хендриксон с мрачным видом развернулся, прошел по крыльцу и спустился по ступеням, но направился не в поле – отпугивать пронзительно кричащих птиц, а на пресс-конференцию, где доверчивым гражданам насыплют зерна совсем другого рода.

– Один вопрос, – сказал Лютер.

Хендриксон остановился и повернул голову.

– Начальник пожарной службы округа определил, при помощи чего подожгли дом Кору Гандерсан?

– Бензин. Большое количество бензина.

– Так сказал начальник пожарной службы?

– Так он скажет на пресс-конференции.

– Пожар был необычным, очень интенсивным, – сказал Лютер.

– Да, – подтвердил Хендриксон. – Очень интенсивным.

Невысокий четырехэтажный дом в Беверли-Хиллз принадлежал юридической фирме «Вудбайн, Кравиц, Ларкин и Бенедетто», которая и занимала его целиком. На самом деле он был шестиэтажным, если считать два уровня подземной парковки. Въехать в гараж можно было только из проулка позади здания, где движение было односторонним, и поэтому Джейн Хок знала, с какой стороны появится Рэндал Ларкин.

Она предпочла бы взять Ларкина в его доме. Однако, сидя в библиотеке, она узнала, что он женат во второй раз на женщине по имени Диаманта. «Лос-Анджелес мэгэзин» поместил хвалебную статью, посвященную «звездной паре»: выяснилось, они живут в доме площадью в двенадцать тысяч квадратных футов вместе с тремя слугами и обожают двух своих доберманов. Жена, трое слуг, два добермана – вторжение в дом больше не казалось удачной идеей.

Еще в статье рассказывалось о том, что Ларкин – «жаворонок» и гордится тем, что к шести часам утра завершает часовую разминку в домашнем гимнастическом зале. Не позднее семи часов он садится за рабочий стол в своем офисе в Беверли-Хиллз. Он любил повторять фразу, будто бы отражавшую его проницательность: «Ранняя пташка находит не только червячка, но и все его семейство».

Скелет и Автомобиль ждали ее на углу проулка и улицы, приблизительно в двух третях квартала от офиса «Вудбайн». В здании, напротив которого они стояли, помещался ресторан, который не готовил завтраки – вряд ли парней могли прогнать за то, что они толклись у двери. Джейн дала им еще по двести долларов, доверилась собственному чутью, говорившему, что их нужно предоставить самим себе, и пошла по широкому проулку.

Здесь не было ни грязи, свойственной проулкам в других городах, ни бездомных, спящих среди своих мешков с грязными драными пожитками, ни покрытых сажей домов, ни стен, исписанных символами местных банд или другими граффити. Чистые мусорные бачки выстроились, как солдаты в строю, крышки полностью закрыты, и никаких отвратительных запахов.

Большая подъемная дверь в подземный гараж была обита отполированными металлическими планками, и в них, словно злобное привидение, отражалась безликая, нечеткая фигура Джейн – прилизанный призрак, который преследовал ее в нескончаемой охоте на саму себя. Стеклообразная линза микроволнового приемника размером с десятицентовик, установленная в правом верхнем углу дверного косяка, говорила о том, что дверь открывается с пульта дистанционного управления.

По другую от двери сторону проулка находился узкий пандус, позволявший проехать лишь ручной тележке. Джейн

зашла на него, вступив тем самым в тень, и посмотрела на часы в надежде, что Ларкин заявится за своими «червячками» так же рано, как похвалялся журналистам.

Небо на большой высоте рассекал воздушный лайнер, звуковая лавина обрушивалась на землю. На высоте в несколько сотен футов пролетел, забирая на запад, полицейский вертолет, но его экипаж искал не Джейн, да и вообще, вероятно, не искал никого – всего лишь патрулировал. На поверхности суперсовременной стеклянной кабины играли солнечные зайчики. Движение пока еще было не слишком плотным, и в отсутствие перекрывающего все шума, характерного для часа пик, она услышала, как по проулку с небольшим перерывом проехали три машины, справа налево. Но ни одной из них не предшествовал сигнал, который должны были подать Скелет и Автомобиль при появлении машины и водителя, на которые указала Джейн.

Используя пароли ФБР, она получила через библиотечный компьютер доступ к регистрационным файлам автомобилей и узнала, что на адрес Ларкина в Беверли-Хиллз зарегистрированы четыре машины. Самая дешевая – «форд-эксплорер», – скорее всего, предназначалась для семейной пары, которая управляла всем хозяйством. Скелет и Автомобиль получили описание трех других машин и внешности адвоката.

Когда до начала, казалось, оставались считанные минуты, Джейн достала из сумки пульверизатор на шесть унций, куп-

ленный в магазине косметики. Бутылка была заполнена хлороформом, которым она на прошлой неделе усыпила другого типа. Хлороформ удалось получить из ацетона и хлорной извести. Ацетон она купила в лавке художников, а известь – на складе санитарно-технических принадлежностей. Лабораторией послужил туалет в номере мотеля. Теперь она твердо держала пульверизатор в левой руке, а сумочку – в правой.

Под светло-серую спортивную куртку Джейн надела темно-фиолетовую шелковую блузку, расстегнув две верхние пуговицы, чтобы, когда она наклонится к Ларкину, тот на несколько критически важных мгновений лишился здравого смысла. В Интернете имелось множество его фотографий со светских приемов – Ларкин с первой, а потом со второй женой. Если он вообще учитывал ум и личные качества при выборе супруги, то они стояли на втором и третьем местах: поразительная глубина декольте в обоих случаях явно не была простым совпадением.

В дальнем конце проулка Скелет и Автомобиль засвистели, громко подначивая друг друга, как это делают мальчишки. Низкое тигриное урчание мощного двигателя эхом отдавалось от стен зданий.

Услышав, что машина чуть сбавила обороты, Джейн решила, что Ларкин прижимается к противоположной от гаража стороне проулка, собираясь подъехать к дверям со стальными планками по оптимальной траектории. Она сошла с пандуса прямо к черному «Мерседесу S600» не с видом че-

ловека, преследующего кого-то – это могло бы насторожить Ларкина, – а так, словно спешила на важное свидание.

Большая машина проскрежетала тормозами и резко остановилась. Джейн, словно от испуга, выронила сумочку, изображая столкновение с передним бампером. Оттолкнувшись от седана, она подошла, шатаясь, к водительскому окну, причем незаметно для Ларкина перекинула пульверизатор из левой руки в правую, а потом наклонилась, чтобы посмотреть на него, и с напускным удивлением – громко, чтобы тот слышал, несмотря на стекло и музыку, которая могла играть в салоне, – произнесла:

– Бог мой, Рэнди Ларкин. Это ты, Рэнди?

Он не мог узнать ее, по крайней мере в этом виде, и не ведал, что беглянка Джейн Хок узнала о его существовании, подслушав разговор с Лоренсом Ханнафином. У него не было оснований подозревать, что это случайное столкновение может оказаться спланированной атакой. Джейн видела, как его глаза за окном опустились на грудь, прикрытую шелковой блузкой. После этого Ларкин решил, что все-таки знает ее, но ему временно изменила память.

В другом конце проулка Скелет и Автомобиль выбили деревянные колодки из-под колесиков мусорного бачка, откатали его от стены ресторана и развернули так, чтобы он преградил дорогу тем, кто попытается въехать с улицы.

Водительское окно с электрическим жужжанием поехало вниз. Ларкин кое-как оторвал взгляд от груди и перевел его

на полные синие губы, на змеиное колечко с рубиновым глазком в носу, заглянул в глаза необыкновенного голубого цвета, что, по мнению многих мужчин, было самой привлекательной ее чертой. Экзотическая внешность женщины разбудила в нем давно уснувшие юношеские фантазии, и когда он сказал: «С тобой все в порядке, детка?» – Джейн подняла пульверизатор и обрызгала его лицо хлороформом, попавшим в открытый рот и нос.

Глаза у Ларкина закатились, голова свесилась вправо, он завалился вперед и вбок. Нога соскользнула с педали тормоза, и «мерседес» тронулся с места. Джейн просунула руку в окно и резко вывернула рулевое колесо вправо, двигаясь вместе с машиной, которая проехала несколько футов и уперлась в металлическую дверь гаража. Удар был слишком слабым, чтобы привести в действие подушки безопасности.

Она сунула пульверизатор в карман куртки и распахнула водительскую дверь. Скрежет колесиков скейтборда по неровному асфальту подтвердил, что Скелет и Автомобиль не нарушили договоренности. Когда они приблизились, Джейн расстегнула еще одну пуговицу на блузочке и приготовилась к самой каверзной части операции.

Ловко передвигая ноги, оба парня увели скейтборды с проезжей части, подбросили их, схватили и пронеслись последние несколько футов на ногах. Их лица светились от возбуждения и гордости – свою часть договора они выполнили в точности. Они остановились, тяжело дыша, увидели водителя, осевшего на сиденье, и на их лицах появилась неожиданная тревога.

– Чего это с ним такое? – спросил Скелет.

Джейн повернулась к ним, показав блузку, из которой груди едва не вываливались наружу, – пусть думают, что Ларкин попытался ухватить ее через окно: каким бы нелогичным ни было такое допущение, пусть думают что угодно, если это усиливает сумятицу.

– Помогите мне перетащить его на пассажирское сиденье, – сказала Джейн, делая вид, что запыхалась сильнее парней.

– А почему он такой? – спросил Скелет.

– У него случаются приступы, – объяснила она. – Я предполагала, что так и будет. Ничего, придет в себя. Идите к той двери и помогите мне его перетащить, чтобы я могла убрать машину с проезжей части.

Автомобиль, пленник своих эмоций, понял, что она настаивает, положил скейтборд и быстро обошел «мерседес»

сзади. Скелет остался на месте.

– Может, ему нужна «скорая»?

– Нет. Это припадок.

С этим нужно было покончить без промедления, одним духом. Каждая секунда задержки увеличивала опасность того, что в проулке появится кто-нибудь и это переломит ситуацию.

Автомобиль открыл пассажирскую дверь, перетащил адвоката на другое сиденье и засунул его безвольные ноги в нишу перед креслом. Хлороформ – вещество очень нестойкое, но он еще не испарился полностью с лица Ларкина.

– А что у него такое на губах и носу? – спросил Автомобиль.

Джейн, не отвечая, оставила открытой водительскую дверь, обошла машину, оттолкнула Автомобилья, вытащила из кармана Ларкина сотовый и пристегнула адвоката ремнями безопасности. Из кармана куртки она вынула платок, который положила на лицо Ларкина, чтобы хлороформ испарялся медленнее.

– Он, кажись, помер, – сказал Скелет, подойдя к ним с правой стороны машины.

– Он жив. У него приступ.

Джейн захлопнула дверь, повернулась к ним и вытащила пистолет из-под спортивной куртки.

Подростки отчасти замерли, отчасти отпрянули от нее; вся их элегантность скейтбордистов исчезла, уступив место

неуклюжести, вызванной внезапным страхом. Они беспомощно подняли руки, пытаясь защититься, потом обхватили ими грудь и живот, словно эти магические жесты могли предохранить от пули.

– Будете крутизну изображать, вас прикончат, – сказала Джейн. – Хипповый, крутой, стремный, важняк, упакованный – все это дерьмо, глупость, мелочь, самый тупиковый из тупиков. –левой рукой она сбросила поркпай с головы Автомобиля, и тот чуть не упал на колени. – Посмотрите на себя с вашими крутыми футболками и драными джинсами, вам все до фонаря, но ваша позиция и плевка не стоит, вы с трудом сдерживаетесь, чтобы не обделаться от страха. Если сегодняшний случай не послужит вам уроком, если вы не поумнеете, то к тридцати годам станете озлобленными и никому не нужными. Отдавайте мои деньги.

– Но вы... должны нам шесть сотен, – сказал Автомобиль. Дело затягивалось, но для Джейн это было не менее важно, чем похищение Рэндала Ларкина. Она должна была сделать это, чтобы остаться по правильную сторону тоненькой красной линии, разделявшей мрак и свет.

– Отдавайте деньги, или я заберу их у вас, когда вы будете истекать кровью на земле.

– Вы нас не убьете, – сказал Скелет.

– Но покалечу, – солгала она. – Может быть, это вам и надо, чтобы вышло говно из мозгов. – Она протянула руку. – Отдавайте деньги!

Оба тряслись, отдавая ей купюры – по четыреста долларов каждый.

– Вам продают крутизну, чтобы вы оставались дураками и не высывались. Пока что вы самые тупые козлы, каких мне доводилось видеть. Забирайте свои скейтборды и валите отсюда, бога ради. И поумнейте!

Парни отступили, подняли свои скейтборды и побежали к мусорному бачку, с помощью которого заблокировали въезд в проулок. Разбогатеть им не удалось, хотя, может быть, они поумнели – но и это вряд ли.

Стоя слева от машины, Джейн бросила телефон Ларкина в канализационный люк, схватила свою сумочку, сунула в кобуру пистолет, села за руль и захлопнула дверь. Затем она пощупала пульс на безвольном запястье адвоката. Вполне нормальный. Достав пульверизатор, она побрызгала хлороформом на платок, которым закрыла его лицо.

Двигатель уже работал. Она перевела рукоятку в положение заднего хода и отъехала от металлической гаражной двери. На выезде из проулка она остановилась, чтобы застегнуть блузку и надеть солнцезащитные очки, потом свернула направо.

Для множества водителей, которые тем пятничным утром сидели в своих сверкающих на солнце машинах, она была богатой женщиной, рассекающей на своем «мерседесе», в то время как ее муж дремлет на пассажирском сиденье, закрыв лицо от солнца. Возможно, они собирались где-нибудь

со вкусом провести уик-энд. Жизнь их напоминала статью из гламурного журнала, деньги текли рекой, и они не ведали никаких забот.

Часть вторая

Полиморфический вирус

1

Летом снегири большей частью летали поодиночке, а зимой сбивались в стайки. В пятницу утром, после отъезда Бута Хендриксона, когда Лютер все еще стоял у открытой двери своего дома, сорок или пятьдесят птиц вылетели из елового леса – размеренные, спокойные взмахи крыльев, короткое планирование, спуск по дуге, – чтобы, пользуясь переменной погодой, поискать лоскуты травы там, где ветер сдул снег, и поклевать семена.

Они прилетели с песней, высокие призывные трели ласкали слух. На глазах Лютера они опустились там, где можно было найти пропитание, – черные головки, серо-черные крылья, яркие пятна красных грудок на снегу. Вид снегирей на минуту поднял настроение, но потом, по причине, которую он не смог бы выразить словами, его пронзило дурное предчувствие – страх за этих птиц, за всех птиц, за всю природу, за себя, жену и детей.

Вернувшись в свой кабинет, он позвонил своему заместителю Гуннару Торвалу и на неделю передал бразды правле-

ния в его руки.

– Несмотря на вчерашнее, мы остаемся в режиме полета, Гуннар. Я не бросаю тебя в шторм. Федералы нам и пальцем не дадут шевельнуть. Если я правильно их раскусил, они собираются свернуть дело как можно скорее и создать впечатление, будто вышло недоразумение и никто не был убит. Не говоря уже о губернаторе.

– Что у них на уме? – спросил Гуннар.

– Вряд ли они затеяли что-то нехорошее, – сказал Лютер, теперь имевший основания полагать, что его разговоры прослушиваются. – Для них важно открыть и закрыть дело побыстрее, и они не хотят трепать нервы людям, с учетом других неприятностей.

– Не знаю, как там насчет открыть-закрыть. Но не верю, что Кора могла пойти на это. Не верю, что она пошла на это.

– Именно что пошла, – заверил его Лютер. – Она сделала это, но была не в себе. И вряд ли мы поймем, как это произошло.

– Что с ее домом?

– Сгорел.

– Больше, чем сгорел.

– Он сгорел, – сказал Лютер, – и этим тоже занимаются федералы. На этой неделе мы только руководим дорожным движением и читаем лекции пешеходам, которые переходят улицу в неполюженном месте.

Шериф повесил трубку, поднялся наверх и переоделся в

гражданское. Он собирался посетить подругу Кору, чтобы задать ей кое-какие вопросы, но не хотел делать это в официальном порядке. Когда он спустился вниз, из кухни доносился запах корицы и заварного крема – все было уже готово и остывало. Ребекка раскатывала тесто, чтобы наготовить пирожных с грецким орехом, пеканом и фисташками.

– Я должна загружать себя делами больше, чем обычно, чтобы не думать все время об отеле.

– Похоже, мы до конца жизни будем есть ореховые пирожные.

– Я готовлю много, чтобы раздавать их. Если я приду с одними соболезнованиями без всего, то сразу же расплачусь. А когда приносишь еду, это уже нечто большее, чем похороны.

Дикси-Бель, длинношерстная такса Кору, сидела возле Ребекки, задрав голову – так, будто ореховые пирожные предназначались только для нее.

– Она безутешна, – сказала Ребекка. – Ест только с руки и скулит без причины.

– Со временем она привяжется к тебе.

– Да, знаю, но пока сбита с толку и безутешна.

– Я взял недельный отпуск, – сказал Лютер. – Помогу тебе, когда ты пойдешь с визитами.

– Сегодня пеку, завтра пойду с визитами. Конечно, с твоей поддержкой будет легче.

– Где Джולי? – (Младшая дочь в этом году заканчивала школу.) – Я думал, после всего этого занятия отменят.

– Школа вызывает психологов, чтобы помочь детям справиться с этим.

– Джоли рождена, чтобы справляться с чем угодно, – сказал он. – Вчера она держалась молодцом.

– Она молодец. Просто любопытствует. Спрашивает, что могут сказать психологи.

– В любом случае это не так важно по сравнению с тем, что скажет им Джоли. – Он открыл дверь в прихожую. – Уеду ненадолго. Купить ничего не надо?

– Подумаю, пока ты одеваешься.

Несколько минут спустя Лютер вышел из прихожей в теплом пальто, ботинках и перчатках.

– Может, это не слишком хорошо, что Твайла сейчас в Бостоне.

Ребекка оторвалась от формочек, куда набивала тесто, и нахмурилась:

– Она заканчивает второй курс, обзавелась новыми друзьями. Что ты имеешь в виду?

– В больших городах сейчас лучше не жить. Думаю, случая в Филадельфии достаточно, чтобы все в этом убедились.

Двенадцатью днями ранее джихадисты из ИГИЛ врезались на самолете с полными баками в четырехполосное шоссе, в утренний час пик, когда машины ехали бампер к бамперу, и дорога на протяжении целой мили превратилась в море огня. Легковые машины, грузовики, заправщики – все взрывалось, мосты рушились... Сотни жителей пригородов

были раздавлены или сторели заживо, сотни других ранены, некоторые останутся калеками до конца жизни.

– В Сент-Поле и Сент-Клауде есть колледжи не хуже бостонских, – заметил Лютер.

– В Сент-Поле безопаснее, чем в Бостоне? Откуда ты знаешь?

– Чем известнее и крупнее город, тем выше риск. Если в Лас-Вегасе начнут принимать ставки на это, то именно под таким названием.

– Твайла назвала бы это «бежать во все лопатки».

– Пожалуй, да.

– А если бы она была здесь, то могла бы отправиться на ланч в отель «Веблен». И ты бы думал, что ей ничто не угрожает, так, будто она идет с тобой под руку.

– Это верно, – согласился он. – Но Бостон так далеко, черт бы его побрал.

2

В маленькой столовой, окна которой выходят на бассейн с фонтаном – Афродита, льющая воду из чаши желания, – сидит Диаманта Ларкин, ждет, когда подадут завтрак, и попиивает шампанское с апельсиновым соком, но не потому, что ей нужен сок с его витамином С или шампанское с его градусами. Она знает по своему опыту, что это самый приятный и надежный способ изгнать изо рта вкус мужа.

Они с Рэндалом поженились почти пять лет назад. Диаманта не сомневается, что их брак продлится столько времени, сколько она пожелает, а желать этого она будет до тех пор, пока Рэндал имеет ценность для Д. Д. Майкла. Этой женщине двадцать шесть – на восемнадцать меньше, чем Рэндалу, – и в ней идеально сочетаются красота, ум и зверские амбиции. Она прекрасно знает, почему их брак удачен: в сексуальном плане она для Рэндала то же, что смерч для земли, лежащей на его пути; она умна, у нее хорошо подвешен язык, поэтому ему никогда не бывает неловко за нее; она бесстыдно льстит ему, потому что он балдеет от этого и не способен отличить лесть от искренней похвалы; она жаждет власти не меньше его.

И еще одно важное обстоятельство: до того как Д. Д. устроил ей интимное свидание с будущим мужем (Рэнди понятия не имел о том, какую роль Д. Д. сыграл в их знаком-

стве), у миллиардера были десятки кандидаток на место будущей миссис Ларкин. Он остановился на Диаманте, когда компьютер вычислил, что психологические характеристики этой девушки и Рэндала совпадают в ста трех пунктах из ста двенадцати.

Есть еще кое-что, неизвестное ее мужу: один из компьютерных волшебников Д. Д. установил в смартфон Рэндала программу (которую тот не в состоянии обнаружить), позволяющую Диаманте отслеживать все его перемещения независимо от того, включен телефон или нет. Она может определять местонахождение Рэндала со своего смартфона или с любого компьютера.

Диаманта предполагает, что муж окажется у себя в офисе в 7:15, согласно своей привычке. В 7:41 она устраивает проверку – все правильно, он на месте, в проулке за домом в Беверли-Хиллз. Система предельно точно определяет местонахождение. На экране появляется кусок карты – проулок с мигающей красной точкой. Этот воспалившийся прыщ – Рэнди.

Точка должна переместиться из проулка в здание юридической фирмы, когда Рэнди въедет в подземный гараж. Но проходит минута-другая, а прыщик остается на месте.

3

Уверенная, что оно ей вскоре понадобится, Джейн Хок двумя днями ранее нашла место для проведения серьезного мероприятия: там можно было привести в чувство того, кто слился с жаждущей крови толпой и очаровался ее жестокостью, а к тому же выудить из него информацию. Место должно было быть уединенным, защищенным от вторжений, со звуконепроницаемым помещением, которое не пропускает наружу звуки отчаяния.

Золотое прошлое и, возможно, темное будущее Калифорнии смешались здесь с нынешним гниением и разбродом. На несколько кварталов тянулись постройки, занятые когда-то хлопотливыми производствами, но теперь по большей части пустовавшие. Ограды из сетки-рабицы, неровные и просевшие, были увешаны красочным мусором: всевозможными ошметками, обрывками пластиковых оберток, желтыми пузырями старых газет, висевшими, как осиные гнезда, ветхими тряпками с таким слоем грязи, словно они когда-то были обернуты вокруг медленно разлагающейся мумии фараона, использованными кондомами и сломанными иглками от шприцов. Парковки, где когда-то круглые сутки стояли машины (работа шла в три смены), теперь были изрыты трещинами и выбоинами, из которых торчали переплетенные хрупкие стебли каких-то странных сорняков, напоминавшие

волосы выброшенного на берег кракена или другого легендарного чудовища, спавшего под асфальтом, пока не пришла пора восстать из-под земли и разрушить все вокруг.

Темный корпус выбранного ею здания уродливо торчал в ярком утреннем свете: два акра бетона и искореженной металлической облицовки, покрытой ржавчиной и птичьим пометом. Высота – около сорока футов. Футах в тридцати от земли на утреннее солнце взирали слепые окна, квадраты со стороны около ярда, со стеклами, покрытыми налетом времени. Ворота, казалось, были заперты на цепочку с навесным замком, но Джейн еще два дня назад перерезала дужку замка болторезом.

Она оставила Рэндала Ларкина, на лице которого трепетал платок, в машине, сняла цепочку, откатила створку ворот, заехала внутрь, вышла из «мерседеса» и закрыла ворота. Снова села, обогнула здание и остановилась с другой стороны, где машину не было видно с улицы. Электричество давно перестали подавать, и подъемная дверь для грузовиков не действовала, поэтому в здание Джейн заехать не могла.

В двадцати ярдах отсюда, за сетчатой оградой, находилось то, что в Южной Калифорнии называют рекой: широкий бетонный канал, устроенный на случай наводнения. Большую часть года он, конечно, оставался сухим, но сейчас, после недавних дождей, в нем бежал быстрый, бурный, опасный поток.

Джейн вышла из машины и услышала журчание воды, сте-

кавшей по склону холма. Из-за расположения духа, в котором она пребывала, ей почудилось в этом звуке нечто апокалипсическое, словно наступили последние времена и вся грязь земли (а с ней и вся ее невинность) устремлялась к последней дренажной трубе.

Она вытащила фонарик из сумки, вошла в здание через небольшую дверь рядом со въездом для грузовиков и оказалась в гулком помещении без всяких перегородок – свободное пространство от стены до стены и от пола до крыши. Окна, заляпанные грязью, тем не менее пропускали свет. Впрочем, по большей части он не доходил до пола, натываясь на стропила, балки, ригели. Углы, как вверху, так и внизу, тоже были плохо освещены.

Какая бы компания, обанкротившаяся или ликвидированная иным образом, ни работала здесь когда-то, ее побежденные владельцы убрались отсюда, проявив полное неуважение к своим преемникам, – хотя, как выяснилось, никаких преемников не нашлось. Какого только мусора здесь не осталось: множество пустых бочек, частью лежавших, частью стоявших, древесно-стружечные плиты разных размеров, спутанные клубки проводов, выглядевшие как пережаты-поле, пустые емкости от каустической соды, разбитые пивные бутылки, стопки бумаги.

Во время предыдущего визита сюда Джейн переместила две бочки на середину. Они стали основанием для столешницы из немного покоробленной древесно-стружечной пли-

ты. На этом импровизированном столе стояли кемпинговая лампа и канистра с топливом – и то и другое она купила в магазине спортивных товаров.

Она положила фонарик рядом с лампой, затем вытащила из сумочки и надела пару черных шелковых перчаток, прошитых декоративной серебряной нитью, – часть маскарадного одеяния, которое она носила на прошлой неделе. Джейн зажгла лампу, и та стала излучать призрачное сияние, распространявшееся во все стороны футов на пятнадцать. Кроме того, на столе стояли четыре бутылки с водой и четыре пластиковые чашки для кормления собак.

Пространство вокруг стола она очистила от мусора, оставив только два алюминиевых садовых стула с голубыми плетеными сиденьями и спинкой, купленных в магазине, где торговали всяким старьем.

Рядом с дверью, в которую она вошла, стояла тележка с плоской грузовой площадкой размером пять футов на три, приобретенная в том же магазине. Джейн подкатила тележку к «мерседесу». Когда она открыла пассажирскую дверь, Ларкин пробормотал что-то неразборчивое под своим платком и чуть не выпал из машины. Она затолкала его назад, потом вытащила из сумки пластмассовые кабельные стяжки и связала ему запястья и щиколотки. Просунув руки под мышки Ларкину, она вытащила его из машины и уложила на тележку; ноги не поместились и свисали с площадки. Платок соскользнул с лица, и Джейн положила его обратно, слегка

смочив хлороформом.

Подкатив тележку к дверям, она остановилась, чтобы вытащить из кармана джинсов камею из мыльного камня – часть сломанного медальона. Резкий утренний свет падал на мягкие очертания женщины. За оградой текла река, которая говорила на множестве жидких языков, плескалась, бурлила, фыркала и шипела, но всего через несколько секунд Джейн перестала ее слышать, как перестала видеть камею. Все затмило лицо ее сына, возникшее перед ее умственным взором: красавец Трэвис, копия отца, сосуд, в который она поместила все свои надежды.

Через минуту-другую она сунула камею в карман, вкатила тележку внутрь и закрыла дверь.

Прошло пять минут. Символ на экране остается в том же положении, а значит, Рэндал все еще в проулке, и Диаманта звонит на айфон мужа со стационарного аппарата. После пяти гудков ее перенаправляют в голосовую почту. Тогда она звонит на его личный номер, минуя секретаря. Этот номер знают пять или шесть человек, и Рэндал всегда отвечает, если он на месте. Диаманту опять перенаправляют в голосовую почту.

Она не из тех, кто легко впадает в панику, и к тому же она не боится почти ничего в этом мире, поскольку абсолютно уверена как в своей способности справиться с любой напастью, так и в своей судьбе, прекрасной, как она сама. И поэтому, когда дворецкий Холмс приносит тарелку с перевернутой глазуньей, копченую семгу и поджаренную в масле брюссельскую капусту, приготовленные его женой Элизабет – второй половиной контингента домашней прислуги, – Диаманта начинает есть, впервые за день. Она говорит себе, что Рэндал, видимо, уронил телефон в проулке и не заметил этого или ведет разговор с управляющим, который – да, конечно – пытается починить вышедшую из строя гаражную дверь. Такое уже случалось пару раз.

Посередине завтрака Диаманта, которая все время смотрит на мигающую точку, приходит к другому мнению. Что-то

случилось.

Через десять минут после того, как она перенесла адвоката внутрь, Джейн вернулась к «мерседесу» с бетонной чашкой в руках.

В машине есть навигатор, по которому можно определить ее местонахождение. Когда остальные владельцы «Вудбайн, Кравиц, Ларкин и Бенедетто», встающие не так рано, придут в контору, они увидят, что партнер, названный третьим, не явился на первую из назначенных встреч. Возможно, Вудбайн, или Кравиц, или Бенедетто, или все они – тоже шупальца миллиардера Дэвида Джеймса Майкла и каждый из них, как Ларкин, поддерживает идею улучшения мира посредством уничтожения тех, кто попал в список Гамлета. Возможно, они знают о вчерашнем визите Джейн к Лоренсу Ханнафину и о том, что она не позвонила ему в полдень. Возможно, не все они глупы в той же мере, что и порочны, и хотя бы один придет к правильному выводу: она каким-то образом прослушала разговор Ханнафина с Ларкином и теперь, в этот солнечный день, похитила их коллегу, который уже собирался схватить первого за день «червячка» и все его семейство. Они не пойдут в полицию. Полиция им ни к чему. У них есть связи в Бюро, Министерстве внутренней безопасности и Агентстве национальной безопасности, вплоть до самого верха. Они немедленно примутся искать машину

Рэндала по навигатору.

Два дня назад, срезая дужку замка на воротах, Джейн сделала также два вертикальных пропила в сетке, установленной позади фабрики, – параллельные, на расстоянии восьми дюймов друг от друга. Еще она отделила сетку от основания, и та держалась теперь только на верхней стяжке, находившейся в семи футах от земли.

Она села за руль машины, завела двигатель, развернула «мерседес» так, чтобы передняя часть смотрела на вырез в ограде, и остановилась в двадцати футах от нее. Для включения режима парковки требовалось нажать кнопку на торце рычажка включения коробки передач, расположенного на рулевой колонке, с правой стороны. Стояночный тормоз приводился в действие не педалью, а электронным реверсивным рычажком, который помещался слева от рулевого колеса и непосредственно под регулятором фар.

Джейн оставила машину в режиме парковки, со включенным стояночным тормозом, работающим двигателем и открытой водительской дверью, взяла бетонную чушку, оставленную у здания, принесла ее к седану и поставила на педаль газа. Двигатель, шедевр немецкого инженерного искусства, взревел, но машина находилась в режиме парковки, к тому же ее удерживал аварийный тормоз. Через открытую дверь Джейн перевела рычаг на «движение вперед». «S600» вздрогнул, как возбужденный жеребец, но тормоз удержал его на месте.

Напомнив себе, что нужно действовать быстро, иначе сломается рука, она ухватила за реверсивный рычажок у ближайшей к ней стороны рулевого колеса, отключила стояночный тормоз и мгновенно отпрыгнула назад. «Мерседес» с ревущим двигателем рванулся прочь, водительская дверь захлопнулась от рывка. Передний бампер ударил по отрезанной секции сетки достаточно сильно для того, чтобы та взлетела вверх и большая машина оказалась за ограждением. Вырезанная часть проскрежетала по крыше «мерседеса», наверняка расцарапав любовно холившееся отшлифованное покрытие, но не разбив лобовое стекло из-за своего небольшого веса. Повредив крышу на протяжении шести футов, проволочный занавес затем ободрал заднее стекло и багажник, между тем как передние колеса уже были на краю склона – и через мгновение машина скрылась из вида.

Джейн подошла к сетке, когда вырезанная часть вернулась на место, и успела увидеть машину, которая неслась по длинному склону к бетонному каналу шириной около ста футов. Тяжелая чушка, вероятно, все еще оставалась на педали газа, потому что «мерседес» продолжал набирать скорость. Он перепрыгнул через береговую стенку, секунду-другую парил в воздухе, а потом днище его ударилось о стремительно текущую воду.

Все окна были закрыты, машина оставалась на плаву и должна была провести в таком состоянии еще некоторое время. Отличная машина, с хорошими уплотнителями, вода бу-

дет поступать через вентиляционные отверстия, но медленно. Она проплывет несколько миль, прежде чем погрузится наполовину, но и тогда сила потока будет увлекать ее вперед.

Джейн посмотрела, как «мерседес» покачивается, клюет носом и виляет на волнах. Было во всем этом что-то разудалое, словно машина собиралась весело провести уик-энд. Джейн пожалела, что не включила радио и не нашла чего-нибудь подходящего для такого случая, вроде Джимми Баффета.

По другую сторону бурлящего потока, чуть выше по течению, вздымалась гряда слабо разделенных холмов цвета весенней зелени, поросших диким кустарником. Джейн подумала, что в этот момент там вряд ли мог оказаться любитель пеших прогулок или турист, но, даже если так, маловероятно, чтобы он смотрел в эту сторону в течение тех пяти или шести секунд, когда машина проезжала через ограду и устремлялась к воде. А если вдруг кто-то видел, откуда появилась машина, он решит, что в ней находятся пассажиры, что их жизни угрожает опасность, и будет интересоваться преимущественно тем, где она оказалась, а не тем, откуда она появилась.

Проволочный занавес, тихо звякнув, встал на прежнее место и застыл, словно приваренный, а Джейн отправилась на заброшенную фабрику.

6

Джейсон Алан Драклоу, частный детектив, имеющий лицензию в тридцати девяти штатах, большую часть жизни провел в поисках материалов, дискредитирующих одну из двух главных партий по заказу другой. Он должен был отыскивать лучший компромат на губернаторов, сенаторов и конгрессменов – все, от внебрачных связей до удовольствия, которое они получали в детстве (а то и во взрослом возрасте), мучая животных.

В юности и в ранней зрелости эта работа была для него ответственной и одновременно волнующей. Драклоу стал мастером разрушения репутаций, раскрывая глубоко спрятанные секреты, фабрикуя похожие на правду фальшивки и нужные в таких случаях доказательства.

Но к сорока годам он подустал. Он больше не находил удовлетворения, когда изыскивал подтверждение тому, что такой-то политик получил взятку от саудовского принца, или подделывал исторические документы, якобы говорящие о том, что отец кандидата был почетным клиглом ку-клукс-клана и засовывал темнокожих в дробящие машины. Его скука перешла в такую глубокую апатию, что он несколько дней не мог встать с кровати, и на этом его карьера, казалось, закончилась. Но для людей с его талантами всегда возникают какие-нибудь возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.